

Ник Перумов
Разрешенное волшебство
Серия «Техномагия», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126816
Разрешенное волшебство: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-001948-0*

Аннотация

Джейана Неистовая – главная ворожея Твердиславичей – обладает умением собирать всю магическую силу клана воедино и разить ею врагов, словно безжалостным огненным мечем. Но даже этот могучий дар оказывается бессилён против ужасных тварей, порождаемых магией Зменого Холма. И тогда кодекс чести заставляет вождя клана Твердислава отправиться на поиски источника зла, требующего все новых жертв от его сородичей.

Содержание

Пролог	4
Часть I	6
Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвёртая	26
Глава пятая	37
Глава шестая	41
Глава седьмая	45
Глава восьмая	50
Глава девятая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Vis pacem, para bellum.¹

Пролог

Летний вечер выдался просто на загляденье. С юга налетел легкий, живительный ветерок, разогнавший сгустившуюся было к полудню удушливую жару. И, когда из-за темноты пришлось оставить все игры, малыши как-то сами собой потянулись к Костровому Дереву. Скоро их тут собралось, наверное, десятков пять или даже шесть; некоторые тотчас побежали за хворостом.

– Ну, чего сбежались, глазастики? – Из темноты шагнула Фатима, правая рука главной Ворожеи клана Джейаны Неистойой. – Опять вам историй?

– Да, да, да! – Малыши радостно загалдели на разные голоса, точно птенцы в весеннем лесу.

– Про деяния Великого Духа, – застенчиво попросила хорошенькая девчушка лет восьми с каштановыми волосами до самых колен. Никто из красавиц клана так и не смог разгадать несложное колдовство, позволявшее Ларе когда надо – распускать волосы так, что они струились пышным, великолепным водопадом, или окутывали её настоящим плащом, на зависть всем без исключения девчонкам, а когда надо – обращать в нечто очень плотно и туго свернутое, так что можно было возиться в любой пыли.

– Про начало начал! – тут же поддержали Лару другие голоса.

– Так ведь уже сколько раз слушали! – улыбнулась Фатима, привычно отбрасывая назад гриву чёрных волос, заплетённых в добрую сотню тонких косичек.

– Ну и что, ну и что, а мы ещё хотим! – последовал дружный многоголосый ответ. – И Учитель спросит.

– Ну, так и быть, слушайте. Скажу так, как сама от Учителя слышала, а ему, в свою очередь, поведал всё это Исса, Великий Учитель, получивший откровение из уст самого Великого Духа.

«Сперва не было ничего. Совсем-совсем ничего – ни земли, ни моря, ни леса, ни воздушного океана, ни неба над ним. Одна непроглядная чернота расстилалась вокруг, да мерцали в ней одинокие огоньки сотворенных в предвечные времена звёзд. Разделённые безднами пустого пространства, впустую полыхали огни, и жар их бессилён был оживить вечную ночь, что царил в Сущем.

И наскучило это Великому Духу, Тому, Чьё Имя Непроизносимо. В стародавнюю пору, когда не родилось ещё само Время, сотворил он звёзды, дабы разогнать мрак, и тьма частично рассеялась, но не отступила. Горячие лучи звёзд пронзали бесконечность, теряя по дороге и тепло, и силу. Даром пламенели звёздные костры, и не было в Сущем того, кому пошло бы на пользу их бесконечное сияние.

И тогда Великий Дух в великой своей милости создал планеты и заставил их обращаться вокруг светил, повинаясь строгим законам. Жгли лучи каменные лики пустых планет, и от столкновения твёрдого с лучистым на планетах родилось движение. Что, непонятно, глазастики? Это ничего, Учитель сам говорит, что, только придя в чертоги Великого Духа, познаём мы истину до самой последней её, Истины, капли.

На каменных равнинах возникла жизнь. Травы и деревья, птицы и звери. И многие другие тоже появились тогда – люди, эльфы, гномы, духи и иные существа как облечённые плотью, так и лишённые ее.

И воцарился хаос.

Неправедной была эта жизнь. Брат восставал на брата. Друг покушался на жизнь друга. Каждый говорил: «Се моё, и се – моё же!» И лилась кровь. Люди убивали людей».

(Кто-то самый впечатлительный из малышей даже всхлипнул – как всегда на этом месте. Ну не укладывается такое в голове, хоть тресни! Как бы Учитель ни сердился. Чтобы люди убивали бы людей! И не представишь даже. Враг общий – Ведуны да их нечисть! Как же можно с братьями сражаться?!)

«Попытался Великий Дух тогда вразумить ожесточившихся, утишить страсти, дать людям и иным разумным созданиям, что живут и умирают, великую свою Правду. Принял Он человеческий облик – и спустился на землю. На одной из бесчисленных планет.

Но не стали люди слушать Его голос, ибо не открывал он им всей своей Сути, и принимали Его за лишённого разума.

А Нечисть, возникшая ещё допрежь самых старых звезд, всё подбивала людей отвернуться от Него, и наговаривала на Него, и сеяла в сердцах пустые, лживые ярость и смуту.

И настал день, когда Его побиили камнями. Во веки вечные будет проклят этот город. И сотворившие сие злодейство тоже будут прокляты. Обратились они сами в злобную нечисть, в проклятых Ведунов, – и с той поры вредят людям как только могут.

Понял тогда Великий Дух, что нужно иное.

И сотворил наш мир. И всех нас». – Голос Фатимы зазвенел от волнения. Приподнявшись на цыпочки, вытянувшись, точно струна, она продолжала:

«Все мы есть дети Великого Духа. Им сотворены мы. И каждый малыш, что рождается в клане, есть Его прямой потомок.

Создал Он наш мир, и всех нас, и кланы, чтобы в правде и праведности жили бы мы здесь, совершенствуясь и ожидая того дня, когда придут за нами Летучие Корабли и отвезут нас туда, где Великий Дух изложит нам наш долг. Когда каждый из нас отсчитает восемнадцать солнечных кругов – покинем мы этот мир и вознесемся к престолу Великого Духа, нашего Отца и создателя.

И в милости и доброте своей дал он нам мудрых Учителей. И первым из них был Исса, Великий Учитель, коему открылось всё, о чём поведала я вам.

Но и Нечисть не дремала. Ведуны проникли и сюда, в заповедный мир; однако ж не стал Великий Дух поражать их Своей силой. Как испытание дана нам и эта напасть, и должно нам, сражаясь с ними, делом подтверждать доверие и любовь нашего Отца...»

Часть I

Магия в крови

Глава первая

– Тихо! Смирно лежи, пня корявая!.. Не слышишь ничего, што ли?.. Кособрюх ломится! Чуешь, глупная?

– Да откуда ж ему здесь взяться-то? Так что сам ты глупной! Зыриком лучше глянь, чего мешкаешь!

– Да не мешкаю я! А откуда кособрюх здесь взялся – почём я знаю! Что я тебе – Учитель? У него и спрашивай. А если в ухе кублон торчит, так я не виноват.

Треск веток раздался неожиданно близко. Куда ближе, чем хотелось бы засидчикам. Обычно заросли крякосава служили надёжным убежищем, и толстые, неповоротливые кособрюхи остерегались соваться в густорост, понимая, где могут устроиться двуногие охотники. Этот кособрюх, верно, какой-то шальной попался...

В неглубокой ямке между выпершими из земли корнями крякосава (летунки-кряки любят на нём ночевать – отсюда и название) затаилось двое добытчиков – мальчик и девочка, наверное, лет двенадцати. На обоих – одинаковые домотканые серые подпоясанные рубахи и широкие штаны до колен. И он, и она босые, привыкшие ходить и по грязи, и по снегу. Девочка остролицая, с задорно вздёрнутым носиком и копной растрёпанных, криво и неровно подрезанных огненно-рыжих волос, глаза большие, серые, любопытные. Мальчишка, напротив, чёрен как смоль, левый угол рта оттягивал книзу неровно сросшийся шрам; костяшки кулаков покрыты не по-детски грубыми мозолями. В руке он сжимал короткое и толстое копьё из неошкуренного древесного стволика – красноплодка хороша не только ягодами. Заостри кол, обожги на костре – и вот тебе копьё, не хуже боевой рогатины с кованым жалом. Девочка держала наготове короткий самострел; болтом служил заточенный обрубок всё той же красноплодки.

Кособрюх дуром сунулся из подроста – крякосав всегда окружён целой порослью высоченных трав, таких, что не поймешь – то ли трава, то ли уже куст. Из-под черных отвислых губ зверя торчали четыре парных клыка – малые; два больших были сломаны, верно – в драке. При виде готовых к бою двуногих кособрюх завыл, утробно и низко, и, словно камень с горы, ринулся вперед.

Мальчишка действовал хладнокровно и точно. Извернувшись, он с силой вонзил копьё под левую лопатку зверя, в серую, поросшую редким вытертым мехом шкуру. Несмотря на броню чудовищных мускулов, копьё легко пробило плоть, дойдя до надсердечной жилы. Кровь, яркая-яркая, брызнула из раны на добрых три сажени, мигом окатив охотников.

Кособрюх заверещал истошно, предсмертно. Все шесть мощных лап, что несли громадное, распираемое мускулами тело, в агонии рыли землю. Из подушечек выдвинулись когти, прочнее и крепче которых только стальные крючья, которыми торгуют Горные кланы; зад страшилища внезапно повело в сторону, словно тот скользил по льду, и девочка не успела увернуться. Мальчишка, звериным чутьём уловив опасность, бросился к ней, с недетской силой отшвырнул прочь – и сам попал под когти.

– А-а-ий! – Девчонка вскочила на ноги. Тело её выгнулось, точно тугой лук, рубашка задралась, обнажив исчерченный кривыми шрамами плоский живот, и она обеими руками метнула из-за головы что-то невидимое в топчущего и рвущего неподвижное человеческое тело кособрюха.

Воздух застонал и загудел. В ужасе порскнула прочь любопытная фейная мелочь, обожающая схватки и слетающаяся, точно мухи на мёд, к месту любого поединка. Толстенный череп зверя раскололся пополам. Мозг вышибло напрочь, забрызгав ствол крякосава; шейные позвонки вырвало и разбросало вокруг. Туша дёрнулась в последний раз и затихла.

Девочка бросилась к спутнику.

– Мих, ну что ты, Мих, ну не надо, не умирай, ну пожалуйста!.. – Из глаз её брызнули слёзы. Её саму трясло и шатало; по губам и подбородку двумя аккуратными ручейками струилась кровь; застонав от натуги, она вырвала бесчувственного Муху из-под туши мертвого кособрюха.

Удар когтистой лапы разворотил мальчишке живот, распорол желудок; и как это Мих не умер тотчас, на месте?.. Несмотря ни на что, он был жив и даже не потерял сознания – только затруднённо, с хрипом, дышал.

– Зови... Джейану... – прошептали губы раненого.

– Счас, счас, – у девчонки тряслись руки, язык заплетался; нужные слова удалось подобрать не сразу, однако же удалось, и светло-серебристый травяной щелкунчик вихрем помчался выполнять полученное приказание.

Покончив с ворожкой, девчонка сунулась было помогать Мухе, но тот лишь дёрнул головой, досадуя на всегдашнюю девчоночью глупость:

– Не... трогай... Ничего... дурёха... неуклюжая... Не... смогла... увернуться... Под когти... полезла... дура глупая...

В ответ девчонка разревелась даже не в три, а в тридцать три ручья. Всё, что ей оставалось, – это сидеть, положив не слишком чистую ладошку на лоб раненого, и ждать подмоги.

* * *

Вот уже два года все ближние и дальние кланы свирепо завидовали роду Твердислава. Отвоевать такое место под становище!.. Нечего сказать, расщедрились Вышние, расщедрились. Оценили по заслугам.

С трех сторон посёлок защищали неприступные скалы. Точно три копейных наверхия, они пробили зелень лесов, сомкнувшись плечами, словно хорошие воины в бою. Нечисть могла подступиться только с одной, южной стороны, а хорошо известно, что все злобные твари, служащие Ведунам, предпочитают нападать с севера, словно боясь оставить светлое солнышко за спиной, хотя ослепить противника в бою – первое дело.

С высоты, из мертвого, казалось бы, камня вниз сбегали ручьи. Мелкие, но многочисленные, они питали небольшое озерко, из которого брала начало Ветёла. По берегам озерка и расселились Твердиславичи, разом обретя и крепкую защиту, и вдосталь чистой воды. Ниже по течению Ветёлы, где она, вобрав в себя еще множество мелких ручьев, ручейков, ключей и подлючинок, становилось шире и спокойнее, в густых зарослях крякосава и мухоловки была отличная охота. До ближайшего укывища Ведунов – Змеиног Холма, что посреди Лысого Леса, – два полных дня ходу, и препятствий немало – Ветёла, Пожарное Болото, а главное – Пэков Холм, на котором Твердиславичи всё время держали оборону и от дикой твари, и от ведуновских прислужников. Пэков Холм слыл не простым холмом. Джейана, а за ней и все девчонки, утверждала, что там-де, мол, обитает Старый Пэк, который девчоночьей страже помогает, а парням, за глупость их, глаза отводит и иглы в штаны подсыпает, но главное – предупреждает об очередном набеге. Парни, те, которые постарше, не исключая и самого Твердислава, либо хмыкали, либо пожимали плечами. Никто из них этого самого Пэка в глаза не видел, ни на какие вызывающие заклятия он не отзывался, но в открытую возразить Джейане Неистойой тоже не решались. Да и то сказать – они ведь с Твердисла-

вом... Малыши же, естественно, спорили со сверстницами мало что не до драки, каждый отстаивая свое. Слова же Твердислава никто не знал, а у вожака клана хватало иных забот.

Лето нынче выдалось не из легких. Хотя – сподобил Великий Дух – всё в порядке с малышами. И младенчиков в этом году много, и неведомцев немало. А когда их много – это значит, что Исса, Великий Учитель, почтил их клан своим вниманием. И потому, что ни неделя – в клане двое или трое новеньких. Четырех-пятiletние карапузы, только и умеющие, что раскрывать рот, вечно голодные и прожорливые, точно кособрюхи по весне. Их находили в самых неожиданных местах, голеньких, посиневших от холода, плачущих и ничего-ничего не помнящих о себе. Приходилось начинать с того, что придумывать им имена... Неведомцами занималась Файлинь, у неё это получалось лучше других. Ласковая, очень терпеливая. Ей бы, Джейане, такое терпение.

Девушка вздохнула, разогнув натруженную спину. Уж на что она привычна к этой работе – копать корни толстяков – привычна сызмальства, однако же вот наломалась. Охота плохая, зверь откочевал, Ведуны дважды прорывались к самым скалам, Твердислав их оставивал уже магией Ключ-Камня – последним средством, а потом ещё и откупаться пришлось; запасы малы, на толстяков одна надежда. Джейана выгнала на работы всех от мала до велика; избегли её только сам Твердислав да десяток старших, что с рассвета ушли загонять невесть как забредшего сюда с севера папридою. Папридой – зверь здоровенный, жутко сильный, но при том совершенно безобидный, если только сумеешь найти к нему подход. Удастся изловить медлительного великана, зачаровать и притащить в становище – клан надолго будет обеспечен преотличными костяными ножами, что режут не хуже кованых, теплыми меховыми куртками – шкура с папридою сходит большими кусками вместе с шерстью, и зверя забивать не надо, а также целебнейшим бальзамом, что варят из папридоева дерьма.

– Линка, Джим! Ну-ка, быстро работать! Ишь, в лес они наладились! И не вздумайте мне говорить, что за грибами. Нет их ещё и в помине, я Леснянок спрашивала. И вообще, вам этим самым, за чем в лес рванули, заниматься рано еще. Поняли? А тебе, Джим, я и вовсе кое-что откручу! Клану такие лоботрясы, как ты, не надобны, так что небольшая потеря будет.

Пристыжённые парень с девчонкой (обоим лет по пятнадцати), уже совсем было достигшие вожаки зарослей (там и впрямь водились грибы, но – права Джейана – не в это время), повернули назад. Джейана ещё немного постояла для внушительности, и вновь склонилась над бороздой.

Нет, ничего так просто не даётся. Твердиславичам досталась отличная скальная крепость – но зато в непролазной, непроходимой глухомани, да ещё и под боком у Ведунов. Все-все остальные кланы – кто в четырёх, кто в пяти, а кто и в целой седмице дней пути от ближайших ведунских логовищ. Правда, там и скал таких нет, и, ежели недруги подступали-таки к поселкам и становищам, их обитателям приходилось много солонее, нежели Твердиславичам.

Однако глухомань есть глухомань. Далеко и до гор, где обитают самые богатые кланы, якшающиеся (по слухам) с племенами подземных гномов; далеко и до чистых, звонких лесов Приморья, где можно порой отыскать путь к зачарованной эльфийской роще; и до настоящих городов, что раскинулись по берегам Светлой, главной из рек этого восточного края, тоже далеко. Хотя, говорят, в тех городах жизнь так себе, вольностей мало, правил много. Тамошние обитатели до судорог боятся, что Ведуны возьмут их обманом, и потому Ворожей в тех городах только тем и заняты, что отыскивают разбойничьих прислужников. Уверяют, что частенько находят. И без денег в тех городах тоже делать нечего. Но зато там – товары со всего света. И книги, из редких редчайшие, где можно вычитать самые заковыристые и сильные заклятья, а потом доказать перед Учителем свое право на них. Джейана всё подговаривала Твердислава хоть разок сходить в те города, а он всё тянул, тянул, и вот вам, пожалуйста, это лето дурным выдалось, клан сберегать надо, осенью никто в путь не трогается,

про зиму даже и говорить не приходится, а весной... Весной за ними с Твердиславом придет Летучий Корабль. И у клана появится новый вожак. Как и новая ворожея.

Эх, жалко. Так много есть чудесного. Те же эльфы, к примеру, или гномы, или города на Светлой. А за океаном, говорили на ярмарке торговцы из Морских кланов, есть места ещё волшебнее. Города там сказочно богаты, шпили и башни в них – из хрусталя, про Ведунов в тех краях и слыхом не слыхивали, а магические существа – все сплошь дружелюбны и расположены к людям. Не то что наши, здешние.

«Бедно у нас как-то всё, – думала Джейана. Руки её двигались словно бы сами по себе, не требуя вмешательства, – работа рутинная, не хватало над ней ещё и думать. – Бедно, серо и скучно. Всё разнообразие – в ведунских набегах. Тьфу, пропасть!»

Она вспоминала чужие рассказы. Горные кланы весьма гордились своей дружбой с подземными существами, о гномах рассказывали скупно и как бы нехотя – но не зря Джейану зовут Неистойой. Сколько бы ни запирался надменный горец, сколько бы он ни задира л нос, когда надо, она своего добьётся.

В глубине гномских подземелий никто никогда не бывал. Ученики из Горных кланов не пропускались дальше двух-трех внешних залов; но и имевшихся там чудес хватало на сотни рассказов. Диковинные машины и механизмы, качавшие воду, ткавшие ткань, молотившие муку. Твердиславичи только-только сподобились соорудить простенькую водяную мельницу, а уж о самоткущих станках речь даже и не заходила. Удивительно, но простые эти вещи упорно не поддавались воздействию магии – сколько ни пыталась Джейана заставить жернова крутиться самим по себе, а муку саму складываться в мешок, ничего не получалось. И это при том, что огненная стрела Джейаны за поприще укладывала чуть ли не любую ведунскую тварь!

Еще интереснее гномов были эльфы – в точности такие, как и в сказках о них, что Учитель иногда рассказывал младшим. Лесной народ, никогда не покидавший свои зачарованные рощи – если только не отправлялись в таинственные морские плавания к им одним ведомым целям. Прибрежные кланы переняли у эльфов корабельное искусство – и теперь на восток, в глубь лесов, шел настоящий поток товаров и даров моря. Рыба всяких видов, солёная и копчёная, целебные морские травы, раковины, морские чудеса, пользовавшиеся особым спросом у клановых ворожей, шкуры невиданных зверей, не пропускавшие воду, и многое, многое другое.

У эльфов Морские кланы перенимали и живопись, и музыку, и танцы – хотя Джейане, если честно, больше по сердцу были немудрёные пляски, придуманные девчонками в её собственном клане. И песенки – простые, но свои. Ко всему, что шло как от гномов, так и от эльфов, ворожея клана Твердиславичей относилась с немалым подозрением.

Известно было, что иногда некоторые из эльфов отправлялись странствовать, щедро передавая дары музыки, песен и танцев тем, кто хотел их слушать, но сюда, на восток, они никогда не забредали. Суматошные рассказы парней о том, что там-то и там-то они якобы видели эльфа, были, не сомневалась Джейана, обычным мальчишеским хвастовством.

В войну людских кланов с Ведунами ни эльфы, ни гномы не вмешивались. Нам, мол, это строго-настроено заповедано Великим Духом, Всеобщим Отцом. Ваша это война, люди. Ваша. Вам и нести кровавую ношу. Не мечом, не стрелой и не боевым заклятием мы можем помочь – но хитроумным устройством, облегчающим работу, или, скажем, такой песней, от которой загораются сердца и ноги сами несут тебя в сражение. По мнению Джейаны, ни в чем подобном клан Твердиславичей не нуждался.

Конечно, она не отказалась бы посмотреть на эти дивные рощи, где деревья, если верить ярмарочным сплетням, до самого неба, а в ветвях спрятаны эльфийские вольные шалаши, где ночами нет тьмы – все светится разными цветами, и небо над деревьями часто

озаряют радостные огни фейерверков. Не отказалась бы, но долг перед кланом превыше всего. На ней, Джейане, всё и держится. Ну вот, кажется, опять что-то стряслось.

...Лёгкий трепет прозрачных крылышек она уловила задолго до того, как щелкунчик-летун отдышался.

– Что у тебя, Лимпидоклий? – Джейана уже чувствовала, что случилась беда.

– Ты опять учуяла меня раньше, чем я тебя! – неподдельно возмущился летун.

– Ты забыл, кто я такая? Я всегда тебя раньше замечу, так что не переживай и не старайся. Ну, так с чем пожаловал?

– Ну, вот так сразу... ты даже мне заклятием не приказала! А уже весть требуешь! – обиделся Лимпидоклий. Крошечный, в смешном зелёном камзолчике (на летунов, словно на куклы, шили все девчонки клана), он сидел на роскошном зонтичнике, закинув ногу на ногу. Щегольские сапожки так и сверкали. Джейана с трудом подавила желание оторвать этой слишком наглой кукле голову... чтобы впредь другим неповадно было перечить, но сразу же выкинула подобную чушь из головы. Нечего и мечтать. Забыла, кто за летунами стоит?..

– Хорошо, – глаза девушки зло сверкнули. – Получай твое заклинание...

Глубокий вдох, затем выдох, свести пальцы, вспомнить в уме все формулы, мысленно очертить Круг Здоровья, почувствовать, как обновленная кровь с новой силой устремилась по жилам...

– Гилви послала... – сообщил наконец летун. Вообще-то его прозывали Летавцем (или Лимпидоклием), но это было уже исключение. Магическим тварям имен не полагалось, этого Летавцем прозвали в обход слов Учителя. Впрочем, кое-какие запреты обходить полагалось, это считалось хорошим тоном, да и сам Наставник удивлялся, если все старательно выполняли его наказания полностью, до последнего словечка.

– Гилви послала, и что дальше? – Джейана начала терять терпение. С виду она казалась тонкой и хрупкой, невесть, в чем душа и держится, а попробуй-ка, заломай ее! Крепких парней на обе лопатки укладывала. Учитель таких, как она, особенно ценит и называет непонятным словом *«латентный лидер»*.

– Они с Михом на кособрюха наравались, – злорадно сообщил Летавец. – Миху зверь пузо распорол. Гилви боится – не выживет парень. Тебя просила поскорее с помощью поспеть. Ниже по течению, там, где кривой копьерост...

– Ах, ты... – Джейана задохнулась гневом. – Тянул с таким!..

– А мне, между прочим, всё едино – что твои родичи, что звери, – обидчиво возразил Летавец. – Он меня, если хочешь знать, тоже просил. Но я-то тебе служу!..

Последние фразы летун выкрикивал уже в пустоту. Джейана вихрем мчалась прочь.

– Фатима! Ирка! Файлинь! Дженни! Да не ты, а Дженнифер! За мной, быстро! Парни, Боб, Сайли, Гимли, Орат! Носилки! И тоже за мной!

Когда Джейана приказывает таким голосом – ей лучше не перечить. Так приложит, что полдня голова гудеть будет.

Объяснять некогда. Приказы должны выполняться без рассуждений, иначе клан не выживет, и они с Твердиславом не смогут предстать перед Великим Духом.

Бежали хорошо, ровно, не теряя дыхания, – всё, как она учила. Фатима, тонкая, точно речной тростник, тоньше даже её, Джейаны, но силой не обделенная. Правда, полностью использовать эту силу Фати так и не научилась. Один только талант в ходу – врачевательница каких мало. Кланы Середы и Мануэля предлагали за нее угодий на день пути, но Твердислав стоял насмерть. Видимо ли дело – родичей продавать! Глаза их бесстыжие, вот и всё!..

Ирка и Дженнифер – тоже хорошие лекарки, хоть и послабее будут. А Файлинь как никто умеет утешить и успокоить, внушить раненому, когда он придет в себя, что всё будет хорошо, что он непременно поправится. Великий Дух, как известно, помогает лишь тем,

кто сам себе помогает, и никто лучше темноглазой Фай не сумеет научить увечного этому высокому искусству – помогать себе самому. Ну и как врачевательница Фай, конечно, тоже не из последних. С неведомцами возится, а у них что ни день, то беда. Кто ногу сломает, кто руку вывихнет, а кто и живот себе о сучок распорет. Неловкие они, неведомцы, неуклюжие, за каждым глаз да глаз нужен.

Пока бежали, Джейана пыталась мысленно дотянуться до Гилви, подбодрить, утешить, потому что если рядом с тяжелораненым окажется лишившийся веры – тогда Великий Дух уж точно получит свою добычу. А если нет, если верить, даже если уже глаза закатились и сердце не бьётся – глядишь, и вырвем парня из лап у смертушки.

Вниз, вниз, вниз, вдоль по Ветёле, туда, где верным поводырем торчал кривой копье-рост. Копьеросты оттого так и зовутся, что всегда прямые, точно стрела или копейное древко, а вот этот кривым оказался. Потому и уцелел. Не сразу сообразили-то пользительные деревья возле становища выращивать, повырубили, теперь за древками приходится ходить мало что не к Мануэлю на рубеж, а там места ой какие дурные!..

Гилви сидела рядом с Михом, держала его за руку и даже не имела сил утереть градом льющиеся из глаз слезы. Ещё минуту назад парень дышал, хоть и с трудом, а теперь замер и, похоже, отошел навсегда. А дара лечить у неё нет, ну вот ни на полстолечка, есть другой – боевой, ну и там ещё источники подземные чуют, то-то с таланта такого сейчас толку!

– Отвали!.. – рявкнул над самым ухом страшный голос. Волосы Джейаны растрепались, зелёные глазищи горели яростью; казалось, она воочию видит перед собой саму смертушку и готова схватиться с ней врукопашную.

Гилви замешкалась – отсидела ногу, сразу и не встать, и тогда Джейана попросту отшвырнула её в сторону, словно нашкодившего котенка, мгновенно забыв о ней. Обижайся, не обижайся – ей всё равно. Дело надо делать, а если своего добьёшься – успех всё спишет.

Ирка с Дженни отвели руки Муха от раны, Фатима стремительно разминала пальцы, готовясь одним ударом вырвать раненого из шока; Файлинь заклятием пережимала разорванные жилы, откуда настоящими фонтанчиками била кровь; Джейана же заглянула глубоко-глубоко в замершие глаза.

:Иди ко мне:, без слов позвала она парня. :Иди ко мне, возвращайся, у нас ещё столько дел здесь! Клан не обойдется без тебя! Слышишь, Мих? Возвращайся!:

Это действовало лучше всяких повязок, обеззараживаний и тому подобных приёмов травниц. Они займются раненым позже, а пока – за него отвечает она, Джейана!

Ира и Дженни колдовали над разорванными внутренностями парня. У Фатимы вытянулось лицо, как-то разом ввалились глаза, и между пальцев поплыло синеватое сияние. Джейана же, не отрываясь, глядела в чёрные Михины зрачки, словно в колодцы, что вели к тем тёмным подземельям, где сейчас стоял он, в преддверии покоев Великого Духа, ожидая – вернуться ли ему обратно, к свету, траве и жизни, или же последовать дальше, туда, откуда уже нет возврата.

...Джейана зацепила душу парня уже на самом пороге Великого Духа. Сквозь провалы зрачков видела она, как крохотная серая фигурка заколебалась и, помедлив на самой черте, медленно и неуверенно двинулась назад.

Муха они вытащили. Все ещё без сознания, с распоротым животом, его очень-очень медленно понесли в становище. Теперь дело за травницами. Они знают отвары, что помогают срастаться разорванным тканям. Но допрежь должны ещё закончить ворожеи.

С Джейаны градом лил пот, но она не позволила себе расслабиться и на миг.

– Так, парни, до становища дойдете – шлите сюда ещё шестерых. Тушу выпотрошить. Не пропадать же добру!..

Кособрюх был хорош. Жирный, упитанный. Не по сезону.

Лето не так и давно началось, с чего жирок-то? Не иначе, как ухоронку Леснянок нашел. Тогда да, там пожировать есть чем.

Препоручив Миха заботам Фирузы и Сигрид, бывалых травниц, Джейана решительно расправила плечи – никто не должен видеть её уставшей! – и зашагала к полю. Ленятся небось летавцевы дети. Глаз да глаз за ними нужен. Так и норовят посачковать. Вот и бери таких на Летучие Корабли!..

Пришла к грядам – точно. Скучковались, ровно пчелы в рой, и так же, как пчёлы, гудят, гудят, гудят... Правда, увидев Джейану, все разом примолкли и бочком-бочком – по местам.

– Чего языки чешете? Кособрюх Миха поранил – тоже мне, новость!.. Впервой, что ли? Мы парня уже вытащили, так что давайте-ка к делу. – И, подавая пример, первая склонилась над толстяками.

Глава вторая

Твердислав и ещё десяток старших парней, все лет по шестнадцати, с самого утра загоняли папридою. Оружия не взяли (лишь у Твердислава в кармане широкого кожаного пояса – серебряный Ключ-Камень, символ вождя, самый настоящий ключ к защитной магии родных скал, полученный из рук Учителя в тот день, когда они с Джейаной основывали поселок нового клана. Никто ведь тогда не помогал: ни эльфы, ни гномы, ни даже Учитель!) – папридою ни копьем, ни стрелой не остановишь, здесь нужна катапульта наподобие тех, что соорудили на Пэковом Холме; а, кроме того, зверь чует чуть ли не любую боевую снасть, и взять его после этого шансов уже никаких. Да, кроме того, убивать его нет никакой нужды. Собственно, дело тут простое – загнать папридою в какую-нибудь овражину, окружить и зачаровать.

Понятно, лёгко сказать – зачаруй! Проникни в душу зверя, сумей заговорить с ним и убедить, что, мол, неволя лучше свободы. Нужно врать, а это, сами понимаете... Сам Твердислав вранья терпеть не мог, и немало малышей отведало его розги, будучи пойманными на лжи. Помогало, и притом очень здорово, хотя тоже – маленьких бить... Рыдают, слезы что их кулачок... Правда, видит Великий Дух, не так и больно им достаётся. Что ж он, исчадие ведунов, мукой мученической мучить?

Папридою гнали долго. Гнали молча, без азарта – чай, не юнцы, усы уже у всех пробиваются. Берегли дыхание – гон, он долгий. А без папридою им никак нельзя. Вон, Мануэл вторую осень на ярмарку куртки меховые возит и дерёт за них, бессовестные его глаза, втридорога...

Правда, сам Твердислав Мануэла отлично понимал. Главное что? – чтобы клан жил, чтобы народ в нем множился, Учителю на радость. А ради этого можно и куртки подороже продать.

...С утра Твердислава мучили какие-то предчувствия. Ещё когда гон только начинался, подумал – нет, не возьмём. Подумал – и тут же выбросил из головы. С такими мыслями на охоту лучше и не выходить.

Сперва миновали знакомые места. От русла Ветёлы повернули вправо, на запад. Папридою гнали, все вместе придумывая и насылая на него самые жуткие миражи-призраки, какие только могли измыслить. Пугали то огнем, то подступающей водой, то ночным крылатым кровопийцей-нагудом (гудит он, на жертву бросаясь, – отсюда и имя), то мелким ползучим аспидом – яда одной твари на целое стадо папридоев хватит, и потому великаны боятся его до одури). Но – то ли зверь попался бывалый, то ли сами сплеховали, только все заранее известные загонные места остались позади. Папридой трусил и трусил себе вперед (хотя ему самому такой бег, наверное, казался совершенно безумным), обходя овраги и ложбины, так что загонщикам оставалось только ругаться.

Ругался и Твердислав. Правда, на самого себя. Никак не сожмёт мысли в кулак, чтобы ударить ими, точно мечом. Всё время мешает что-то. То Джейана вдруг вспомнится, то последняя их ночь, то последняя размолвка... Нельзя так на охоте! Папридой, как никто из лесных тварей, чует неуверенность преследователя. А другие парни, хоть и сильны в охотничьей ворожбе, да только ведь у нас так – один из хора выбивается – все дело насмарку.

...А ведь сложись всё по-иному, и не заметил бы Твердислав этих следов. Кабы гон по нормальному шел, кабы чувствовал, что всё, вот-вот достигнут – и по сторонам бы почти не глядел. А так – понимая, что уйдет зверь, не удалась охота – смотрел. И насмотрел. Себе на горе, а клану... клану, хочется верить, на спасение.

Ведуновы следы. Да притом не только Ведуна, а ещё и всей свиты его. Сторожко шли, таились, простой глаз нипочём бы не углядел. След не на земле оставили, не на ветках – в

воздухе. Поганый свой черный росчерк, нечистую паутину, что по проклятию Великого Духа метит всякий их шаг. И всё бы хорошо – увидел да берегись – да только ведунью паутину хорошо если один из сотни заметить может. Да и то, если искать станет.

...Это было как холодное дыхание Бунара, северного духа, что зимой несется от полуночных пределов, заковывая землю в ледяной панцирь. По щеке Твердислава мазнула тонкая струйка... и он разом замер, в одночасье забыв и папридою, и столь желанные девчонкам меховые куртки из его шкуры.

Остановился, утишая дыхание, успокаивая сердце. Товарищи уходили вперёд; скоро они почувствуют его, Твердислава, отсутствие, повернут назад... Его дело сейчас – здесь.

И, когда сердце забилося размеренно и ровно, когда прояснился взор, он увидел то, чего так боялся увидеть. Та самая ведунья паутина. От дерева к дереву, от одного ягодного куста к другому (и ягоды с тех кустов есть ни в коем случае нельзя!) с севера на юг тянулась она, слабый след злой стопы, еле-еле видимая при свете дня (ночью-то по-иному засветится, да только кто ж в этих краях в темноте так просто шарить станет?), непрерывный спутник горя, разорения и смерти.

Твердислав опустил на корточки. Вот оно. Дождася-таки. Накликал. Взгляд его сам собой отслеживал направление чёрных нитей, примечая все до единой мелочи; а мысли упорно заворачивали по-своему, толковали даже не о прямой, видимой угрозе, а о том, что слишком долго все шло уж больно хорошо, слишком долго процветал род; добыча сама шла в силки и ловчие ямы, стрелы, как заговоренные, легко находили цель; дети рождались легко, Фириэль, Сигрид и Леона недавно разрешились от бремени, и младенцы все до единого здоровенькие. Теперь вот папридою Неведомые послали. Нет, не может длиться такое долго.

Ребята тем временем забеспокоились – слишком долго нету вожака. И хотя всем ведомо, что с Твердиславом не всякий Ведун так просто схватится, лес, даже ближний, – дело такое, всякое может случиться, лес – он в каждый миг разный. Сейчас все спокойно – а ну как миг спустя из-под земли какой-нибудь тваренок полезет? Они ведь, бывает, от гнездовой своих в северных пущах далеко-о уходят.

– Твердь! Отзовись! – это Чарус, Твердиславова правая и левая рука сразу. Когда нынешний вожак поднимется на Летучий Корабль, род Твердиславичей возглавит Чарус. Название клана, впрочем, не изменится – Твердислава на создание клана-племени благословил сам Исса, Великий Учитель, у которого все прочие Учители в подчинении, так что править Чарусу, как и сейчас, Твердиславичами.

: Чара, все сюда. Быстро!:

Безмолвная беседа быстра, легка и ведётся не словами – эти сильно запаздывают, да и перехватить их легко. Слова, они ведь что – сотрясения воздуха, как давно уже Учитель объяснил. И подобно тому, как всякое зверье издали чувствует приближение земной судороги, у Ведунов есть немало созданий, что умеют перехватывать человеческое слово – что за одно поприще, что за десять. А вот в тайную речь хода им нет.

: Ведунья след. Смотрите не топчите. Мне с ним ещё копать. Папридою бросить. Не до него сейчас. Так что – рассыпаться и глядеть в оба!:

Рассыпаться – это ребятам объяснять не надо. Всем и так ясно – вождю надо сейчас одному над следом покорпеть. Одному – и чтобы никто не мешал, под ногами не путался, и чтобы о неожиданностях никаких не думать, что вывернется на него внезапно невесть кто.

Твердислав замер возле неприметной чёрной паутины. Призрачные струны что-то негромко напевали-нашептывали, ту самую, коварную, хорошо знакомую мелодию, которая, коли беспечно вслушаешься, уведёт-утянет в такие дали, откуда уже нет возврата. И никакие заклятия или травы уже не помогут. Да что там травы – даже Учитель лишь руками разведёт горестно. Мол, был родович – и не стало его. Слаб оказался. В чёрный Зов вслушался – и пропал. Встал ещё один воин в ведуньи отряды.

Так откуда ж вы все-таки появились, нечисть полуночная? Не так и важно, ЗАЧЕМ вы сюда заявились – это и так понятно: вредить всем, чем только возможно. А вот ОТКУДА этот Ведун со свитой пожаловали – вопрос первостатейный. Разные есть на свете Ведуны, и к каждому – свой подход нужен. Иначе никак. Одни горазды молниями кидаться, другие предивно умеют всяких тварей подманивать, третьи горазды такие мысли внушать, что иной родович сам вниз головой в Ветёлу бросается. Ну и, конечно, все до единого Ведуны не преминут сгноить посевы, наслать лихоманки и иные немощи, склонить к блудодействию, пререканию с Учителями и так далее. Перечню их каверз конца нет. Впрочем, ни один клан от этого ещё не погиб, кроме одного, того самого, клана Хороса, что против Учителей вместе с самим Великим Духом поднялся! Жаркое тогда было дело, Учитель рассказывал. Целый клан Ведунам предался, мыслимое ли дело! И не только предался – против братьев оружие повернул! Ну, тут уж могучий Исса мешкать не стал. Сам примерно покарал ослушников. Каким именно образом их покарали и что стало с мятежным кланом после – никто не знал, а расспрашивать Учителя на эту тему считалось верхом неприличия. Что сделали, что сделали! Твоё какое дело? Не страхом Наставники правят. Они, собственно говоря, совсем не правят. Учат, наставляют, помогают, поддерживают – стараясь, чтобы каждый из клана дожил бы до того дня, когда придут за ним Летучие Корабли.

Правда, сам Твердислав ещё ни одного такого Корабля не видел. Да и соседние кланы – Мануэла хотя бы или, скажем, хорошо знакомый горный клан Петера – их тоже не встречали. Хотя и у Мануэла, и у Петера народ на этих Кораблях уже уходил. И в других кланах тоже. Те, кто создал самые старые кланы, уже три года как у Великого Духа. Наставница Джейаны, Мелани из клана Старковичей, что первым обосновался в лесных краях, три солнечных круга назад покинула своих.

Да... Человек уходил и не возвращался – такова жизнь, таков порядок. Краток твой срок в клане, а за ним совсем, совсем иная жизнь, непредставимая, но, рассказывают, дивная, прекрасная и удивительная.

Твердислав замер возле ведуньего следа. В тонкой чёрно-жемчужной паутине читал он, словно Учитель – в открытой книге.

Вот здесь паутинка задела край еловой лапы. Странное дерево ель, никчёмное, одни шишки растут, да и с них толку никакого – вот и название у неё бессмысленное, не то что у других деревьев, крякосава или, к примеру, копьероста. Но сейчас сгодились и бесполезная ель – ведунья паутинка коснулась празднично-зеленой шишечки, и хвоинки вокруг тотчас увяли. По увяданию этому опытный человек многое сказать может. От острия к корню ползла мертвенная желтизна – верный признак того, что этому Ведуну подчиняются многие и многие болести. Сама ветка не стала ломкой, на ней не треснула кора – это значит, что Ведун сей больше женскими недугами тешится. Твердислав помрачнел. Этого ещё не хватало! Прежнее поветрие ещё в памяти свежо – а тут, значит, новая беда?

Но этого мало. Твердислав легонько качнул еловую ветвь – и хвоинки тотчас посыпались, словно давно убитые жаждой и засухой. Это значит – у Ведуна под рукой Саламандры и другие Огненные Твари; да и сам он при случае может угостить пламенным шаром, файерболом, как важно называет его не по-нашенски Мануэль.

Твердислав углядел ещё и много другого. И то, что с этим Ведуном идут оборотни, самые настоящие, что могут прикинуться кем угодно; и то, что в подчинении у злоехидца не только бегающие, но и крылатые бестии, – за малышкой придётся смотреть в оба. Могут и утащить – хотя допрежь такого не случалось, но вот у Петера как-то раз и произошло.

Но самое главное и самое скверное, что на сей раз против Твердислава шел не просто Ведун, а Ведунья. А от Ведуньи, всем ведомо, зла в квадрате, если не в кубе, как говаривает Учитель. Если «в квадрате» – то ещё терпимо, совладаем, но вот если в кубе... Твердислав невольно покачал головой.

Да, вот он, ведунья потайной росчерк – чёрная нить среди серых прядей, чёрная, как женская душа. Это Учителя слова, но вот тут Твердислав с ним как раз и не согласен. С чего это ради женскую душу «чёрной» потребовалось называть? Джейана бы за словом в карман не полезла, ответила б за всю женскую братию (или «сестрию», правильно будет?).

Но так или иначе – Ведунья здесь. А это значит, что без доброй драки не обойтись. И притом не только на копьях и прочем – придется потягаться в магии.

– Буян! Стойко! Ставич! Домой да живо! Джейане скажете – Ведунья рядом кружит. Дим, Джиг, Лев! На север пойдёте до Пэкова Холма. Если всё чисто – вернетесь, Джейане доложите. Если чего увидите – не связывайтесь, Обереги – в дело и уходите. Чарус и остальные – со мной. На юг по следу пойдём.

Молодцы ребята. Никто не пикнул, звука лишнего не издал. Народ бывалый и тёртый, шрамов у каждого на добрую дюжину хватит; так что все без лишних слов схватывают. Ну и, конечно, никто не стал ни возражать, ни пререкаться, когда Твердислав назначал кому куда идти и что делать. Обычным-то порядком крику было бы – не оберёшься, а теперь нет.

Разделились. Буян повел Стойко и Ставича к дому; по правде говоря, там и одного бы вполне хватило, но Твердислав решил – нельзя Джейану вовсе без старших сейчас оставлять. Дим, Лев и Джиг повернули на полночь; опасное как будто бы дело, да только вождь клана знает – Ведуны по двое не ходят и свита их всякую дикую тварь так распугает, что по лесу идти можно едва ли не так же спокойно, как по родному становищу. Ну а остальные – сам Твердислав, неотлучный Чарус (куда ж без него?), силач Кукач (молодой копьерост без магии одной рукой выдергивает; из дальних кланов приходили на такое чудо поглазеть) да двое братьев-близнецов Гарни и Тарни (все их вечно путают, хотя, на Твердиславов взгляд, как же тут спутать-то возможно? У одного мысли всегда светлые, чистые, всё больше о цветочках там или стрекозках, словно девчонка, – Гарни всякую мирную тварь любит зачаровать и потом, пока та смирно сидит, нарисовать, а вот Тарни – ох, охальник! Девчонкам прохода не даёт, и как на след его мысли посмотришь, так срамно становится. Нет, не от того, что Твердислав мысли читать умеет, – на такое одна Джейана способна, да и то не всегда, – а вот след такие помыслы оставляют – будь здоров. Сам волей-неволей о том же думать начинаешь).

Вот и вся команда. Лучшие из клана. Если до драки дойдет – никакой Ведунье не поздоровится. Припасов вот маловато. От Ведунов да их тварей всё живое разбегается, но да ничего – мы свою добычу не упустим.

По ясному, четкому следу – и двух дней не минуло, как прошли здесь Ведунья со свитой – двинулись на юг. Если и не покончить со злонесущими, так по крайней мере не дать им разгуливать тут безнаказанно.

* * *

Буян, Стойко и Ставич пробирались густым мелколесьем. В здешних лесах никто назад той же дорогой не возвращается – это даже самые мелкие малявки наизусть зазубрили. Не любят такого Лесняни, и ничего с этим не поделаешь. Закружат, спутают тропы да так, что целую седмицу меж трех копьеростов проблуждаешь. И потому Буян, едва расставшись с Твердиславом, повёл свой крошечный отрядик на юго-запад, где вокруг Буревой Роши, на старых гарях, уже поднялась настоящая стена молодых сосен, почти заглушившая другие, полезные для рода деревья, навреде зеленников (без выжимки из их листьев не сохранить до весны заложенные по осени запасы) или игольников, с которых все девчонки добывали себе иглы для рукоделия. Дивные иглы: есть такие, что и шкуру папридою проткнут, а иные – лишь самый тонюсенький холст, из которого шились наряды травяным щелкунчикам. Эх, не доглядели, сокрушался хозяйственный Буян, не досмотрели, и вот вам – зеленников почти

не видно, игольников – раз, два и обчелся. А ведь на каждом игольнике – от силы по десятку игл, это ж вам не та же бесполезная сосна.

– Стойко! – Не принято пользоваться в лесу словами, тем паче если Ведунья рядом прошла, но от мысленной речи у Буяна все начинало плыть перед глазами, кружилась голова, а потом резко наваливалась дремота. Чужие слова он разбирал хорошо, а вот самому так говорить... Ну и пусть, зато ему многие боевые заветы удаются, как никому. Даже Твердислав его хвалит; и хотя неуместно ему, Буяну, что уже в Старшем Десятке ходит, радоваться похвале вожака, точно какому-нибудь малолетке, всё равно приятно.

Стойко ответил как должно, беззвучной речью. И верно – она ему едва ли не привычнее слов.

: *Чего тебе?:*

– Чего, чего! Будто не знаешь? Давай-ка, вперёд, на дозор во-он к той расщеплённой сосне. Ежели все тихо – нас позовешь.

Тоже правильно. Здесь, в мелколесье, где сосны перевиты жгучими лианами (эти твари обычно питаются мошкаркой, но при случае не преминут плюнуть ядовитой ловчей слюной и в человека. Случалось, после такого руку отнимать приходилось), кроме этих лиан, обычно обитают и их хозяева, мелкие, зловредные и довольно-таки опасные. Направляйся сюда весь десяток во главе с Твердиславом – эти б твари и головы поднять бы не осмелились, а так – чует Буяново сердце! – обязательно попытаются поквитаться за прежние обиды.

: *Хорошо:*, флегматично отозвался Стойко.: *Здесь подождите:*.

Раз, два – и исчез в зарослях. Точно и не было его – даже ветка не шелохнулась. Ставич и Буян остались ждать сигнала.

Молчали. В лесу если уж говорить – так беззвучно. Про Буянову слабость знали всё; и добряк Ставич (который отроду никому слова поперек не сказал) помалкивал. Зачем Буяна обижать?

Сам же Буян считал про себя. Что-то Стойко молчит. Давно бы уж пора объявиться! Даже если встретил кого не следует – тем более себя показать бы должен. Парень покосился на Ставича. Да, а этому увальню всё хоть бы хны. Сидит себе и в ус не дует. Ему-то небось и не пришло в голову секунды считать.

Когда, по подсчетам Буяна, истекла пятая минута, он встревожился уже всерьез.

– Ставич! Да очнись ты! Со Стойко неладно что-то!

: *Ага, молчит он что-то... Стой, да я его и вовсе не чую!:*

Буян вскочил на ноги. Ставич разом отбросил предательски подползшую дремоту, вырвал из-за обмотки короткий нож.

«Стой, Буян, сделай всё как должно. Иначе Джейана тебя живьем сварит и правильно сделает. Ну, ну, завет на поиск!»

В этом искусстве с Буяном и впрямь мало бы кто сравнился, кроме разве что самого Твердислава с Джейаной.

По жилам привычно промчалась короткая жгучая судорога. Вызвав образ Стойко, парень послал мыслепризрака вперед, сквозь непроглядное сгущение тонких сосновых стволов и веток – по следу родовича.

И разом увидел такое, отчего из груди рванулось постыдное и жалкое «Ой, мама!»

: *Ты чего?:* вытаращил глаза Ставич.

Вместо ответа Буян яростно сгрёб его за ворот куртки, прижал к земле.

: *Он там мёртвый лежит, Стойко. Понял?!:*

Ну уж если даже Буян заговорил без слов...

Разинув рот, Ставич смотрел на коротышку Буяна. Тот весь аж позеленел, глаза закатились, дыхание пресеклось, но когда он наконец выдохнул и резко рубанул ладонью воздух, от

прижавшихся к земле мальчишек в глубину густороста грянула слепящая молния, настолько сильная и яркая, что от грохота Ставич едва не оглох, а от блеска – едва не лишился зрения.

Забушевал, взъярился огонь – самая верная защита от любой нечисти. Пробитая молнией просека окуталась дымом. Буян резко вскочил на ноги.

– Бежим! – выкрикнул не таясь, уже не боясь, что услышат. И, очертя голову, ринулся в дымную мглу. Не раздумывая, Ставич рванулся следом.

Это было самое сильное Буяново колдовство. Заклятие, к которому Джейана, обнаружив у Буяна к нему дар, строго-настрого запретила прибегать – не иначе как при смертельной опасности, когда иного пути к спасению уже нет.

«Да почему же?» – возмутился тогда Буян (в ту пору ему только-только четырнадцать минуло); в ответ глаза Джейаны зло блеснули.

«Потому что тебя, олуха, – да простят меня Учитель и Великий Дух! – только на три таких заклатья и хватит, ежели подряд. Два кинешь, а третье не раньше, чем через месяц! А коли раньше – то всё. И тогда тебя от Порога даже я оттащить не сумею».

Диковинное дело, вдруг подумалось Буяну, сколько тогда самой Джейане-то было? И шестнадцати ведь не стукнуло! А уже и тогда никто слова поперек сказать не смел!

Обугленные ветки скользнули над самой головой. Разгораясь, рядом весело гудел огонь. Поваленные и переломанные стволы молодых сосен дали пламени обильную пищу – но Буян не замечал ни дыма, ни жара. Перед глазами застыло скорченное, всё какое-то изломанное тело Стойко с нелепо вывернутой шеей и бессильно откинутой рукой. И Буян точно знал, что такая шея бывает только у мертвецов.

Ставич тяжело топал рядом, сжав в кулаке бесполезный сейчас нож.

Молния Буяна смела на пути всё – и сосны, и лианы, и их зловредных хозяев; но вот склонившееся над распростёртым Стойко существо она уже не одолела.

Откуда она взялась, эта тварь, никто не смог бы сказать. Ещё миг назад её не было – а теперь она здесь, во всей злодейской красе, и чёрная слюна капала на дымящуюся хвою.

Больше всего бестия походила на громадного, вставшего на задние лапы кособрюха. У неё тоже имелось шесть лап, однако ходила она на задних. Две другие пары, верхняя и средняя, напоминали человеческие руки, только вместо пальцев зловеще сверкали начищенные до блеска стальные крючья. Уродливая серая башка, вытянутая, с громадной пастью, с мощными челюстями, какими удобно дробить любые кости, три здоровенных круглых глаза без зрачков; всё тело покрыто серой, матово поблескивающей чешуёй. О такой твари никто никогда не слышал, не говоря уже о том, чтобы видеть. И не существовало никаких заклятий, ни обманных, ни отводных, чтобы сладить с эдаким страхом...

Прежде чем безоружный Буян успел глазом моргнуть, бесхитростный Ставич сделал то единственное, что ему оставалось в последние краткие мгновения отпущенной Великим Духом жизни: это метнуть свой верный источенный нож прямо в среднюю буркалку чудовища.

Оледенев от необорного ужаса, чувствуя, что стали мокрыми портки, Буян видел, как из пробитой глазницы брызнула густая кровь, такая же ярко-алая, ярче человеческой, как и у всей здешней нечисти. Тварь с хриплым рёвом вздернула лапу к пронзённому глазу; лезвие ушло в череп по самую рукоятку, однако мозг твари, верно, располагался слишком глубоко.

«Эх, Гилви бы сюда!» – застыв, точно в столбняке, медленно (как казалось ему) думал Буян. Из-под чёрных выющихся волос по пересечённому рубцами лбу стекал пот. «Гилви бы с её даром...»

Дар у Гилви, той самой Гилви, был и впрямь редким. Её коронное заклятие крушило любую преграду, будь то самый толстый череп зверя, столетний домашник или даже гранитный окатыш с неё ростом.

Ставич тонко взвизгнул – и неожиданно бросился к распростертому на земле Стойко, зачем-то потянул на себя. В дьявольских глазах твари Буян увидел злобное торжество. Не обращая внимания на обильно кровоточащую рану, оно усмехалось всеми шестьюдесятью четырьмя зубами, и от этого зрелища, наверное, стало бы не по себе и самому Твердиславу.

«Ну, Буян! – вдруг подумалось ему. – Ну чего же ты медлишь? Сейчас эта тварь прикончит Ставича. Потом – тебя. Потом сожрет всех вас. Такого ещё не было, но ведь что-то да обязательно случается впервые. У тебя ещё две молнии. Бей!»

Ставич легко, точно пушинку, оторвал от земли мёртвое тело Стойко, одним движением взвалил на плечо.

Тварь всё ещё глупо скланилась в жутком подобии улыбки. Оно и понятно – Буян только теперь разглядел, какие у неё здоровенные лапы. Они складывались в коленях почти так же, как и у кузнечика; суставы задирались высоко вверх. «На таких ножищах оно нас в два счета настигнет. И деться некуда. И ни копья, ни меча. И как это Твердислав мог нас в лес безоружными вывести?!»

Сейчас Буян уже не помнил, что на охоту за папридоем серьёзного оружия никто и никогда не брал.

«Молнию!» – Буяну показалось, что он слышит голос уже мертвого Стойко.

«Молнию!» – умолял Ставич, уже возле кромки зарослей.

Тварь наконец-то соблаговолила пошевелиться. Не обращая никакого внимания на вставшего в столбняк Буяна, неспешно потрусила следом за Ставичем, столь невежливо упёршим ее, твари, законную добычу. Длинная лапа неожиданно легко сграбастала Ставича за воротник грубой лесной куртки, и это наконец вывело Буяна из оцепенения.

Чувство было такое, словно он сам вытягивает из себя внутренности. Его трясло и корежило, не хватало воздуха, резкая боль полоснула по левому межреберью, Буян хватал ртом воздух, точно рыба, вытасенная на песок. Тугой комок огня сгустился перед глазами и, повинаясь его воле, распластался белой молнией, прыгнув в голову бестии, в то время как та, деловито сбив с ног Ставича, методично свертывала ему голову, явно не собираясь удовольствоваться одним только Стойко.

Воздух вокруг чудовищной морды вспыхнул и застонал, точно от нестерпимой боли. Серая чешуя расплавилась, омывая вниз грязными каплями; проглянули отвратительно-розовые нутряные слои, перевитые бешено пульсирующими, чудовищно вздутыми жилами. Глаза лопнули и вытекли; нож Ставича, всё ещё торчащий из средней глазницы, раскалился добела, деревянная обкладка ручки вспыхнула. Тварь выпустила ещё живую, дергающуюся и трепыхающуюся добычу, развернувшись и, пошатываясь, побрела прямо на Буяна, вытянув вперёд все четыре лапы со здоровенными когтями. Она была слепа – от глаз остались только заполненные кровью и искрошенным мясом провалы, но Буян знал, что чудовище видит его так же четко, как если бы имело все свои зыркалки целыми.

«Молнию бы надо, – проплыло где-то в дальней дали. Так далеко, что и не разберешь почти. – Все равно ж умирать, так хоть, быть может, тварь добыю». Ноги Буяна сделались вдруг предательски мягкими, совсем как та душистая ночь-трава, которой девчонки набивают себе подушки, уверяя, что она помогает отгонять дурные сны.

И только теперь он сообразил, что чудовище передвигается далеко не так быстро, легко и мягко, как вначале. Только теперь он заметил, что по серому панцирю обильно стекает кровь, что тварь шатается, что страшные когти ощутимо дрожат. У него был шанс!

И вместо того, чтобы ударить по бестии третьей, последней, губительной и для себя и для неё молнией, Буян с неожиданной быстротой порскнул в заросли – только его и видели.

Оглушенный Ставич тяжело завозился, пытаясь подняться на ноги. Нестерпимо болела шея; в глазах метались травянисто-рдяные круги.

Подняться. Вытащить Стойко. Это неправда, что он мертв. Мало ли что Буяну с перепугу померещилось. Джейана выходит.

Он всё ещё повторял про себя «Джейана выходит», все ещё дергал мёртвое тело Стойко, когда жуткие когти ударили сзади ему в шею, вонзились, раздирая плоть, и вышли наружу из-под кадыка.

Буян, без памяти мчавшийся куда глаза глядят, внезапно замер, точно оглушенный. Виски буравила боль, глаза горели, словно под веки насыпали полную пригоршню песка. Он своими ушами слышал последний, предсмертный хрип обливающегося кровью Ставича и мерзкий хруст пополам с чавканьем, что сопровождали отвратительную трапезу бестии. Ноги у Буяна подогнулись, и он без сил, где стоял, грохнулся прямо на землю. Хотелось сразу же, немедленно, покончить с собой. Пусть это даже и великий грех перед Духом, Дарителем Жизни. Только теперь до Буяна дошло, что друзей его нет в живых, что их не вернет теперь даже Джейана, ну а он сам превратился в отверженного, в изгоя, хуже самого мерзкого Ведуна, презреннее самого ничтожного могильного червя.

Потому что он трусил и бросил товарищей на гибель. Хотя мог бы спасти. И кто знает, вдруг Джейана нашла бы способ вытянуть Стойко?

Забыв обо всём, Буян завыл, мотая головой, точно дикий мах. Сейчас парню стало уже всё равно, слышит его кто-нибудь или нет. Даже хорошо, если услышат. Пусть приходят, вот он я, берите!

Он ещё выл, вопил и бился головой о землю, когда за его спиной выросла серая бестия. Кровь в глазницах уже запеклась, и казалось, что в череп чудовища вделано три дивных самоцветных камня, какие иногда попадают в добыче горных кланов. Тварь ослепла, но чувала всё по-прежнему отлично. На окровавленной морде медленно двигалась громадных размеров челюсть. Зубы доканчивали пережёвывать добычу. На опущенных вдоль тела лапах мелко, словно в сладком предвкушении, подрагивали покрытые темно-алым стальные когти. Тварь стояла и, почти комично склонив уродливую башку набок, смотрела пустыми глазницами на корчащуюся двуногую сыть.

Этот холодный, смерть обещающий взгляд Буян ощутил затылком, шеей, лопатками – всем телом, до кончиков пальцев на ногах. Мелкий напуганный зверек внутри у него зашёлся в истошном беззвучном вопле. Мало не разрываясь, мускулы бросили тело вперед, в сплетение веток, лиан, всего чего угодно – Буян не чувствовал боли от едких укусов. Словно живой таран, он пробил зелёную стену и, завывая, помчался прочь, сам не ведая куда, в слепом и давящем ужасе, напрочь забыв и про недавний горький стыд, когда сам катался по земле и торопил смерть-избавительницу.

Тварь его не преследовала. И если бы Буян смог увидеть в этот миг её жуткую морду, он разглядел бы на ней нечто, смутно напоминающую зловещую, ехидную ухмылку.

Глава третья

С самого начала день пошел вкривь и вкось. А к подобному Джейана не привыкла. Если кто-то начинает наседать на твой род – этот кто-то должен захлебнуться в собственном дерьме, не меньше. Сперва в дерьме, а потом и в крови. Так и только так. Око за око. Зуб за зуб. Кособрюх изувечил Миха, Гилви рядом с домиком травниц сидит рыдает – и не успокойшь. Твердислав со старшими ушёл за папридоем – и как сгинул. Ни вести, ни гонца. Что, папридой их всех затоптал там, что ли? Да нет, нет, чушь это всё, конечно! Просто...

Не бывает ничего «простого», резко оборвала она сама себя. Тоже мне, клуша, нашла чем себя утешать! Как маленькая, пра-слово! Нет, Джейана, не юли. Беда пришла. И немалая. Кто-то ополчился на клан Твердиславичей – и притом посильнее обычных Ведунов, равно как и иной, привычной напасти. В конце концов, что там Ведуны – от них и откупиться можно. Подумаешь, потом пояса придется потуже затягивать! Не впервой. А вот теперь...

И Джейана немедля начала действовать. А когда Джейана действовала, да ещё и в отсутствие Твердислава – это значило, что в клане наступало *форменное светопреставление*, как говаривал в таких случаях Учитель.

Мирная картина – мальчишки ползают по свисающим с ветвей щитолиста канатам, рядом девчонки помладше окружили большие деревянные качели. Все это мгновенно исчезло как сметённое ураганом.

Перво-наперво были подняты все, кто хоть мало-мальски владел боевыми заклятиями. Плакса Гилви приведена в чувство посредством нескольких пощечин и отправлена вместе с двумя десятками парней-подростков и девчонок на Ближний Вал – давным-давно отсыпанное сооружение на случай вторжения нечисти и никогда не использовавшееся – недалеко от входа в скальное кольцо. Ближний Вал перегораживал проход от скал до берега Ветёлы; ну а о самой реке Джейана решила позаботиться сама.

Остальные – и мальчишки, и девчонки – отправились перетаскивать в хранилища беззаботно составленные на открытых местах короба и корзины с припасами. Джейана пощадил только травниц, матерей с крошечными живулечками да ещё тех, кому вот-вот приспееет пора рожать.

Становище, как никогда, напоминало развороченное гнездо листоносов; удостоверившись, что никто не отлынивает и не прячется в кустах, Джейана двинулась к Ветёле. Отправилась вдвоём с Фатимой – сторожевое колдовство не терпит многолюдства.

Вот и берег, шевелят длинными зелёными лапами на дне водяные травы. Тут всё безмятежно, всё беззаботно – гоняют водомерки, застывают в воздухе стрекозы да резвятся, порхает над цветами мелкая фейная мелочь. Ей, так её и растак, все едино – дети ли Великого Духа владеют краем или злобная нечисть. Феечек никто никогда не трогает – красивые они, потешные, но бесполезные. То есть в смысле – ни вреда от них, ни пользы. Фатима, правда, утверждает, что они пчел к цветам приманивают. Ну да Фатиме, как известно, даже за ведуньиных тварей случалось заступаться.

Джейана скинула сандалии, вошла по щиколотку в мелкую воду. Пятку немедленно пощекотал вредливый водяной пузырьник, но, присмотревшись, понял, с кем имеет дело, побелел от ужаса и так дунул в своём серебристом пузырьке-коконе прочь, что казалось – волна побежала. Повторным взглядом Джейана его не удостоила.

Слова вбивались в податливую плоть реки, точно тяжелые сваи в дно. Джейана звала, звала низким горловым зовом, и Гилви с компанией, что слышали слабый отголосок этого зова, невольно втягивали головы в плечи, поёживаясь от страха. И почему Твердислав – вожак всем другим кланам на зависть – себе такую жуткую ведьму выбрал? Нет, не уродину – красива Джейана, очень красива, это даже завистливые соперницы признают – но такую

злющую да ещё и с такой Силой! Что, других пригожих девчонок под боком не было? Да помани он – любая бы побежала, только пятки б засверкали! Даже скромница Фатима.

Джейана звала, обратив всю себя в этот Зов. По жилам струилась не кровь – огненная влага; голова кружилась, девушка задыхалась, но не останавливалась. Начав обряд, смертный назад отступить уже не может.

Все в заклятие подчинено строгим законам. «*Структурировано*», как говорит Учитель, но этого слова Джейана не любит. Как и многих других, что порой срываются с окаймлённых седой бородой и усами губ наставника. Чужие они, эти слова. Колкие какие-то, кусачие. Неуютные. Их даже языку произносить неприятно. Словно кусок тухлятины во рту.

Науку плести даже самые сложные заклинания Джейана познала в совершенстве. И Учитель ей почти не требовался. Старик только и мог, что поражаться – с какой быстротой Джейана схватывала всё, о чем он толковал.

Заклятия – это команды. Те, кто их исполняет, сильны, но тупы. Иначе бы не исполняли. Поэтому всё зависит от того, насколько четко ты им все объяснишь. На словах ничего сложного, а вот вызвать для защиты становища водяного духа из всего клана способна одна Джейана. А вот Фатима, сколько Джейана с ней ни бьется, никак повторить не может.

Девушка быстро и четко вбросила в Зов все выкладки. Назубок прошла по всему, что есть суть водной стихии, перечислила все законы, что ею управляют. И, несмотря на черноту в глазах, с торжеством увидела, как поверхность Ветёлы вспухла, взбугрилась, как надулся чудовищный пузырь и как, разорвав изнутри его прозрачные стенки, на волю выбралось невиданное создание, все словно бы из туго свитых водяных струй. Оно имело голову и руки; туловищем же и ногами ему, очевидно, служила вся Ветёла.

– Что тебе, дочь Тверди? – с претензией на торжественность прогудел булькающий переливчатый голос.

– Спасибо, что явился на мой зов, Юм-Чак. – Джейана поклонилась. – Тем знанием твоего естества, что сейчас повторила я, заклинаю тебя и прошу встать здесь на стражу. И держать здесь дозор три дня и три ночи. Потом я отпущу тебя и поставлю кого-нибудь тебе на замену.

– Будь по-твоему, дочь Тверди. Во имя того знания, коим владеешь ты, я исполню сказанное тобой. Но помни – ровно через три дня и три ночи моя служба кончится, и не скоро сможешь ты призвать меня вторично. Совет тебе – заранее позаботься о надёжном стороже.

Джейана не успела поблагодарить неожиданно разговорившееся существо. Водяной горб на поверхности Ветёлы опал, и минуту спустя ничто уже не напоминало о случившемся. Но Джейана знала – там, в глубине, в чёрной донной яме, покорный её воле дух заступил на неусыпную стражу. Теперь за русло можно не волноваться. Три дня и три ночи здесь не проскользнёт ни ходячая, ни плавающая, ни летающая тварь. А там мы ещё что-нибудь придумаем.

– Здорово это у тебя выходит, – задумчиво проронила Фатима, мелко семена рядом с широко шагающей Джейаной к Ближнему Валу. – Слушаются они тебя, словно меня – травяные силы.

– А знать надо, чего хочешь, и идти до конца, – не поворачивая головы, бросила Джейана. Фатима, самая способная в клане, её порой просто бесила. Нюня, размазня, всех жалеет, глаза вечно на мокром месте! И сейчас – не столько в её, Джейаны, заклятия вникала, сколько за неё, Джейану, боялась. Дурёха, слова другого нет.

– Ты мне лучше скажи – повторить сумеешь? – Джейана в упор взглянула на спутницу, и нежная Фатима тотчас потупилась. Прядь смоляных волос упала на глаза.

– Все ясно, – процедила Неистовая. – Сколько тебе, глупой, можно твердить – ежели со мной что случится, ты первой чародейкой станешь! Кроме тебя, больше некому. А ты даже водяного стража вызвать не можешь! Вот и ответь мне – как на тебя клан оставлять?

Под яростным взором Джейаны Фатима потупилась, съёжилась, втянула голову в плечи, словно нашкодившая девчонка-малолетка, которой вот-вот предстоит отвесть Джейаниного волшебства (седьмицу будут неотвязные кошмары одолевать, скажем) или простой немудрёной розги. Неистовая и ею не брезговала.

– Не гожусь я для такого, Джей, – еле слышно пролепетала Фатима. – Ну никак не гожусь, хоть плачь. Ты – другое дело, в тебе душа огненная, она все может, уж ты мне поверь, я-то вижу. Другого кого возьми вместо меня, а? Что, девчонок с Силой мало? Хоть та же Гилви!

– Гилви соплячка еще. Над ранами рыдает, крови боится. Оплеухами в чувство приводить приходится, – жёстко отрезала Джейана. – А мне сроку уже немного осталось. Год – и за нами с Твердиславом Корабль придет. На кого я клан оставляю, а? Кроме тебя – некого. Иришка – травница от Великого Духа, и нечего ей в кровавую ворожбу лезть. Не получится. Дженнифер – лекарка, а больше ничего не умеет, хотя, – она критически оглядела Фатиму, – покрепче тебя духом-то будет. Остальные – либо молоды ещё, как Гилви или, скажем, Линда с Олесей, либо силы должной не имеют, ну вот хотя бы Светланку возьми. Есть, конечно, среди малышни кое-кто. Лиззи, например. Настоящей Воровжеей станет, точно говорю! Но мы-то ждать не можем. Сейчас на клан беда движется, понимаешь, Фати, сейчас! Я её, эту беду, всей шкурой чую!

– Я тоже, – робко встала Фатима.

– И ты? Ну вот, тем более! – Джейана досадливо дёрнула плечом. – Вот ты сейчас тут ноешь – «не надо меня, не надо, другую возьми», а я тебе так скажу: клану нужно будет – я кровавым потом изойду, но ты у меня колдовать станешь. Потому что клан должен жить, и баста. Жить, пока я здесь, и жить, когда меня не станет.

Фатима быстро и мелко закивала.

– Только реветь не вздумай, – презрительно бросила Джейана. – Слёз твоих мне только теперь и не хватало! Ладно, подруга, сделаем так – иди к своему Дэвиду, можешь с ним побыть. До вечерней зорьки даю тебе отпуск.

– Ой, правда? – Фатима потупилась и покраснела. Там, где другие девчонки успевали погулять с тремя-четырьмя парнями, черноглазая волшебница оставалась неизменно верна раз и, похоже, навсегда выбранному Дэвиду. Слёзы мгновенно высохли.

– Правда, правда, – усмехнулась Джейана. – Давай, давай, поторапливайся! За таким делом время, знаешь ли, быстро бежит.

Уф, как от этой слабачки отделалась, так даже дышать легче стало, пра-слово.

На Ближнем Валу Неистовую встретило тревожное молчание. То, что Джейана послала в передовую стражу не следующий по старшинству десяток парней, а всех, кто умел разить скорее магией, нежели копьем, яснее ясного сказало – враг рядом, и этот враг не обычные зловредные твари, с которыми привыкли иметь дело. Нет, на сей раз откуда-то из глубины лесов напоздало иное, неопределенно-смутное, но куда как более страшное.

Джейана молча обошла Вал, пристально поглядела в глаза каждому из защитников. Хорошо смотрят, твердо. Даже Гилви взгляда не отвела. Это правильно. Добрая Воровжеей из неё со временем получится. Если доживет, конечно.

Ближний Вал был хорош. Высотой почти в полтора человеческих роста да прибавь перед ним ещё и ров той же глубины. Нет, не зря гонял Твердислав всех по весне поправлять оплывшие скаты, подумалось Джейане. Как чувствовал любый. В сердце ворохнулась острая игла тревоги, так что Джейане пришлось вонзить ногти в ладони, чтобы не застонать. Держись! Держись! На тебя весь клан смотрит, все родовичи, Учитель, а сверху сам Великий Дух пристально наблюдает – как-то Его даром отмеченная своими силами распорядиться сумеет?

Не до тревоги о любимом сейчас. Это девчонки, у кого парни с Твердиславом ушли, могут красные от слёз глаза кулачками тереть, а она, Джейана, по прозвищу Неистовая, и малейшей своей слабости показать не имеет права. Потому что тогда клан дрогнет и перестанет быть. Исчезнет, растает, растворится без следа и без памяти. Ничего страшнее Джейана не могла даже вообразить.

– Слушайте меня, Твердиславичи. Кто на нас идет, я пока сказать не могу. Не время сейчас гаданья совершать. Ночью я всё справлю. А пока – к худшему готовьтесь. К тому, что на нас Неведомое выйдет.

Кто-то из девчонок ойкнул и тотчас зажал себе рот.

– Не ныть! – Джейана сверкнула глазами и даже ногой притопнула. – Выдюжим. А может, нас и вовсе стороной минет. Не знаю. Одно мне только точно ведомо – если видишь дым, готовься пожар тушить. И хвали Великого Духа, если огонь сам под дождём погаснет. Ночью сегодня я к вам приду – как только с гаданием все справлю. Кто чего спросить хочет?

– Джейана, а где Твердислав?

На лице Неистойой не дрогнул ни единый мускул.

– Папридоя они гнать ушли, разве не знаешь, Олеся? Как смогут – вернутся. Вот и всё. А ни о чём ином чтобы и думать не могли!

Постояла, для внушительности подержав над головой сжатый кулак. Зубы стиснула – аж захрустели, потому что ничего так не хотелось сейчас, как в голос взвыть.

Что, ну что с ним случиться могло? Нет ни такого зверя, ни такого Ведуна, ни твари ведуньей такой, чтобы с ним совладала бы так запросто! Если гон не так пошёл или в лесу что-то встретилось – непременно бы гонцов прислал. А так майся, терзайся, не зная, что и подумать. Поневоле всякая чушь в голову лезет. Та самая, о которой прочим сама и думать запретила. Потому что если не то Неведомое, каждый шаг которого болью во всей Джейаниной душе отдаётся – что ещё могло остановить Твердислава и его десяток? Что?! Разве что целая рать Ведунов. Да только откуда ж этой рати взяться? На Пэковом Холме стража стоит, во все глаза смотрит. Ребята надежные, зоркие, не сони, не из тех, что в облаках витают. Что, и они уже? И их уже?! Да нет, нет, нет! Сейчас, сейчас. Доберусь домой, все как положено справлю.

* * *

Четкий и ровный Ведуньин след вёл Твердислава с товарищами на юг. Ведунья не плутала. Не выделявала хитрых петель, не наводила обманных мороков – словно шла не по землям одного из сильнейших кланов, а по своим корневым владениям – тем, что за Лысым Лесом.

Сейчас Твердислав уже горько жалел, что с ними нет оружия. Не любят ни Ведуны, ни Ведуньи холодного железа. Когда приходится вести поединок одной лишь магией – куда как тяжелее. Но ничего. И на ведуньины хитрости у нас управа найдется. Жаль, конечно, что от гор они далеко – там можно было бы гномов поднять. Они всегда помогут, хоть и небескорыстно. Зато в долг легко верят и скорой отдачи не требуют. А все знают, что Твердислав своего слова ещё ни разу не нарушил.

Шли молча. Всё давно сговорено. Каждый знает, что ему делать, если впереди внезапно возникнет затянутая в латаный чёрный плащ длинная тощая фигура с неременной железной косой на длинной рукоятке. Натиск свиты примут на себя близнецы и Кукач, а Твердиславу с Чарусом достанется сама злодеица.

Ведуны никогда не оставляли клан Твердислава в покое на сколько-нибудь долгое время. И летом, и зимой они то и дело подступали к окружавшим становище скалам. Иногда их удавалось остановить ещё на Пэковом Холме, порой они прорывались на подступы

к Ближнему Валу; и в этом году, собравшись с силами, Ведуны дважды серьёзно атаковали – и от них пришлось откупаться. Твердислав дёрнул щекой – вспоминать об этом было и больно, и стыдно. Спасибо разумной Джейане, охолонула, привела в себя, сама говорила с нечистью – и выкуп удалось изрядно скостить. Он, Твердислав – недаром имя такое! – на подобное не способен. Он скорее бросился бы в драку без надежды победить, чем стал бы говорить с отродьем Змеиног Холма. Это плохо. Вожак клана на то и вожак, чтобы уметь, когда надо, говорить камнями и стрелами, а когда надо – льстивыми обманными речами. Если б не Джейана, Твердиславичам пришлось бы худо. Ох, не похвалит, не похвалит за такое Великий Дух, когда, взлетев на Летучем Корабле, он, Твердислав, предстанет перед Его грозными очами и будет держать ответ по всей строгости за всё сделанное, а паче того – за несделанное.

К югу от обычных охотничьих угодий клана Твердиславичей, густых смешанных лесов, пересеченных сухими увалами, начиналась Речная Страна. Голубая, обогнув лесистые взлобки и завершив широкую петлю почти в три дня пути, разливалась по обширной низине, образуя бесчисленные рукава, протоки, старицы и озера. Высокие лесные острова перемежались долгими нудными болотами, покрытыми зарослями стрелок, темно-венчиковых матрасников и уткопрятков. Чёрная вода медленно-медленно струилась по бесчисленным жилам этой земли; места считались не слишком опасными, самых вредных зверей владычествующие здесь кланы давно повыбили и за небольшую мзду в перелётный сезон разрешали охотиться тут всем соседям. Клан Твердислава не был исключением. И сам вожак, и Чарус, и Кукач, и близнецы бывали здесь не раз и не два. Местность они знали – пусть не так хорошо, как здешние старожилы, но вполне нормально для продолжения погони.

На быстром совете, созванном утром второго дня преследования, Кукач предложил повернуть. Ясно было, что Ведунья прошла мимо клановых владений, так что пусть теперь с ней разбираются Джой и Лайк.

Совет звучал вполне резонно.

– Ты что скажешь, Тарни? – Весь разговор вёлся, конечно же, беззвучно.

Тарни, весёлый, с ярко-жёлтыми солнечными волосами, задорным курносым носом и бесчисленными веснушками, только пожал плечами.

– А што? Кукач дело толкнул. Мы своё сделали. Можно и назад вернуться. Но вот только я бы весть Лайку подал. Нехорошо. Соседи всё ж таки.

– Знаю я всё, знаю, – ехидно вплёл Чарус. – Из-за той темноглазой небось.

– А хоть бы и так! – не стал отпираться Тарни.

– Всё равно сказать надо, – поддержал брата молчаливый обычно Гарни. – Не по-людски промолчать.

Кукач поспешил согласиться.

– У Тарни, конечно, не башка, а один сплошной охал, но сейчас он и впрямь верно сказал. Темноглазая там или нет – не знаю и знать не хочу. Но с кланом Лайка мы всегда в ладу были – так что негоже их оставлять в неведении, – закончил Твердислав.

Сообща решили идти дальше. Джейана волноваться не должна – всё же трех гонцов назад отправили! Через спокойные места давно уже добрались. Ничего, переживёт род несколько дней без вожака. Джейана не хуже всё сумеет управить.

Глава четвёртая

Когда Буян пришел в себя, уже смеркалось. Он лежал на дне какой-то заросшей ямины, уже не поймёшь – то ли начатого и недостроенного логова корогрызов, то ли следа охотничьих раскопок корнееда. Яма оказалась глубокой, сухой и чистой. Ни тебе ядовитой травы, ни зловредных лиан, вообще ничего.

– А дело-то твоё, парень, дрянь, – вдруг произнёс тонкий, противненький голосок.

– Кто тут?! – Буян ошалело подскочил.

Сверху, над ним, на самом краю, в развилке выпершего из земли древесного корня, удобно устроился щелкунчик. Не травяной, не из знакомых. Как бы дикий – на нём не девчонками клана сшитая одежда, а какой-то серый флёр.

– Я, я. Не скажи так, – щелкунчик неприятно усмехнулся. – Не пугайся, не съем. Тебя другие и без меня съедят. Шутка. – И, видя перекошенную от ужаса физиономию Буяна, вновь разразился тонким, мерзким и злорадным смехом.

– Чего тебе? – прохрипел Буян. Рука его помимо воли искала что-нибудь потяжелее – запустить в наглеца! Обычно щелкунчики были неприкосновенны, и даже Неистовая не дерзала с ними связываться; но сейчас, когда он, Буян, уже не родович, а...

– Правильно, изгой, – вдруг кивнул щелкунчик. Распустил флёр, потрепетал крылышками и назидательно закончил: – А вот кидаться в меня я бы тебе не посоветовал. Плохо будет.

– А мне уже терять нечего, – прорычал Буян, сжимая кулаки.

– Ну, это ты не прав. У тебя ещё жизнь осталась, – заметил щелкунчик. – И я, собственно говоря, хотел совет тебе дать.

– Какой-такой совет?

– Ты, Буян, теперь изгой. Клан тебя отринет, не сомневайся. Твердислав-то, может, ещё бы и простил, а вот Джейана никогда. Она тебя самолично на съедение кособрюху отдаст. Так что возвращаться тебе, прямо скажем, теперь некуда. А в лесу ты один сгнешь. У тебя даже ножа не осталось.

Речи щелкунчиков обычно – один сплошной писк; однако ж этот умудрялся чуть ли не вещать, причем – проникновенно. И голос его уже не казался Буяну ни смешным, ни писклявым.

– А тебе-то что с того?

– Меня просили тебе помочь. У тебя есть один выход.

– Это какой же? – скривился Буян. Внутри всё стало как-то донельзя мерзко и гнусно. – И кто это в наших краях взялся такой добренький мне помогать?

– Кто взялся помогать – сам скоро поймешь. Мне об этом тут речи разводить недосуг. А вот что тебе теперь делать – скажу. Ступай на север. Обогнёшь ваше становище. Будь осторожен – Джейана землю и небо местами перевернёт, чтобы тебя схватить. Я тебе проводника дам. Оглянись, да только, – в голосе щелкунчика вновь зазвенела насмешка, – не слишком пугайся.

Буян осторожно повернул голову. Великий Дух! Так и есть! Ну и ну! У него разом вспотели ладони.

Вслед за Учителем этих существ называли «ламиями», хотя тот же Учитель всегда оговаривался, что «настоящие» ламии, мол, совершенно не такие. Здешние же почти ничем не отличались от людей, имея вид девчонок лет пятнадцати-шестнадцати, только чуть поменьше ростом и притом очень, очень, очень «соблазнительных». Появлялись они только летом, одетые более чем легко – в какие-то полупрозрачные драпировки из трав, так что очень даже полные груди едва не вываливались из вырезов, что же до длины – если ламия

присядет, так «срам один», как говорила Фатима. Среди мальчишек, только-только начавших мучиться *этим самым*, шёпотом пересказывались истории о «добрых ламиях», которые, ежели их изловить, отнюдь не отбрыкиваются и не отбиваются, а очень даже хорошо...

Правда, ламии слыли созданиями редкими. Иногда они попадались среди свиты Ведунов и Ведуний, и тогда, ежели ламия оказывалась в руках клана, пощады ей ждать не приходилось – девчонки и девушки, твёрдо уверенные в том, что от этих ведуньиных потаскух их парни дуреют, теряют рассудок и прочее, попросту разрывали пленницу в клочья. Или сжигали живьём. Или закапывали в землю. Поэтому с девичьей стражей ламии бились насмерть, зачастую сами лишая себя жизни, если путей к спасению им не оставалось. Другое дело, если пленителями оказывались парни. После этого ламия частенько оказывалась на свободе, а вернувшиеся в становище воины в разговорах с подругами отчего-то ни словом не упоминали о том, какая им попалась добыча.

Разумеется, наслушался подобного и Буян.

Представшая ему ламия была невысокой, по плечо далеко не великану Буяну, рыженькой (совсем, как Гилви), с задорными зелёными глазами. При одном взгляде на вырез её платица парень невольно сглотнул.

Ламия многообещающе улыбнулась.

– Она тебя проводит, – закончил свою речь щелкунчик. – Проводит до того места, которое вы, Твердиславичи, по недомыслию, именуете Змеиным Холмом. Ручаюсь тебе, змей там куда меньше, чем в тех лесах, что вы почитаете своими.

– Змеиный Холм? – Все мысли о ламии разом вылетели у Буяна из головы. Змеиный Холм! Логово Ведунов и Ведуний! Который уже год шли разговоры о том, чтобы объединить силы всех ближних и дальних кланов с заката, восхода, полудня и полуночи – с тем, чтобы раз и навсегда покончить с рассадником кроважадной нечисти, однако ещё ни разу разговоры эти не воплотились ни во что реальное.

– Это что ж, – пролепетал Буян. – Это что ж, мне к Ведунам идти? Да лучше я сам в болоте утоплюсь!

– Вот дурак! – покачал крошечной головой щелкунчик. – Не утопишься ты. Сил не хватит. Испугаешься перед Великим Духом своим предстать. А к Ведунам придешь – они тебя из-под его власти выручат. Знаю, знаю, что ты сейчас думаешь – небось превратят в слугу своего? Ошибаешься, милок, ошибаешься. Это ты сейчас у Джейяны в слугах ходишь, хотя уже и усы пробились и все такое. Это она тобой вертит как захочет. Ей и Твердислав не указ. А про Ставича со Стойко ты не думай. Что ты сделать-то мог? Молнию последнюю метнуть? Не округляй глаза, я не только это про тебя знаю. Ну, метнул бы ты её – и сам бы помер. А прикончила бы она тварь, что на вас напала, не прикончила бы – того ты знать не можешь. Я тебе по секрету скажу, чтобы ты не мучился, – не добил бы ты ее, даже если бы жизнь отдал, в последнее заклятье вложив.

– Правда? – выдохнул Буян. Очень, очень, очень, просто до одури хотелось поверить щелкунчику!

– Ну конечно, правда! – пропела сладким голоском ламия, взмахнув, точно веером, длиннющими ресницами.

– Правда, правда, – кивнул посланец Змеиного Холма. – Ты мне верь. Какой нам резон тебе врать? Слуг у Ведунов, знаешь ли, и так хватает. Врать специально тебе им без надобности. И сам ещё рассуди – кроме как к нам, тебе деваться не к кому. Гномы длиннобородые тебя не примут – на тебе уже наша печать. Как и драгоценные ваши *елфы*, – насмешливо исковеркал он последнее слово.

Буян опустил голову. Чувство было такое, будто шею душат сразу две петли-удавки: одна Джейяны, другая Ведунов. И деваться некуда. По всем обычаям клана он – трус, и наказание ему одно – смерть. И не оправдаешься уже никак. И не докажешь, что даже третья

молния вражину бы не сразила. А к Ведунам идти – тоже страшно! Мало ли что эти двое тут наплетут. Эльфы с гномами? Нет, тут щелкунчик и хотел бы соврать, да нужды нет – даже тех горцев, что просто набегу Ведунов отражали, в Подгорье уже не впускали. Кровь, мол, на тебе да ненависть. С Ведунами гномы разбирались сами, и тот, кто струсил перед тварью чёрных разбойников, мог рассчитывать только на быструю смерть от гномьего топора. Про эльфов и говорить нечего. Отродясь не воевали, от войны шарахались, как Ведуны от Джейаниных заклятий. Учитель? Ой, нет, нет, только не это, от стыда умереть – самая лютая казнь! Уж лучше на Джейанином костре. Есть, правда, ещё какие-то города на Светлой реке – слышал, на ярмарке рассказывали – может, туда? Ой, нет, нет, и туда дорога закрыта – Джейана много толковала про тамошних ворожей, больших мастеров прознавать, кто к ним в гости пожаловал. И струсившего перед Ведунами, да ещё и бросившего на смерть своих же товарищей – что там будет ждать? Правильно. Вот это самое, о чем лучше пока и не думать.

– Ты, Агальдок, побудь-ка в сторонке пока, – прежним медовым голосом вдруг проворковала ламия. – Мы с Буяном тут сами потолкуем по-свойски. А ты подожди.

– Разумно, Ольтея, – щелкунчик с важностью кивнул. – Я удаляюсь. Доводы разума приведены, Буян. Теперь дело за иными.

Сказал так, распустил серый флер – и поминай как звали. Умчался. Ламия проводила его усмешливым взглядом и повернулась к остолбеневшему Буяну. Связанное из трав и цветочных стеблей платье вдруг волшебным образом начало сползать с мраморно-белых плеч, открывая на левом боку след зажившего ожога. Ламия засмеялась и протянула обе руки к Буяну.

– Тебе ведь этого хотелось, не так ли?

* * *

На ночной заре Джейана вышла в лес за Ближним Валом. Вышла, провожаемая пристальными взглядами всей его охраны. Врезались в память громадные глаза Гилви, в которых – одна только боль. Мihu не стало хуже, но, против Джейаниного ожидания, не стало и лучше. За дело взялась Фатима, но пока и лучшей на много дней пути и много кланов врачевательнице удалось добиться немногого.

Неширокая тропка, что вела к медоносным угольям, свернула вправо и растворилась в сумраке. Джейана осталась одна на крохотной полянке перед старым обгоревшим пнем. Его не касалась рука резчика, однако со стороны могло показаться, что это не пень, а присевший отдохнуть скрюченный древний старец.

Девушка закатала рукав грубой домотканой куртки. Обнажилась смуглая, вся исчерченная большими и малыми шрамами рука. Из ножен на поясе сверкающей рыбкой вынырнул нож. На небе – ни просвета, все четыре луны – и Белая, и Алая, и Голубая, и Зелёная – попрятались, словно страшась взглянуть на творящееся под ними. Это хорошо. Не следует тем, кто рядом с самим Великим Духом, попусту глазеть на кое-какие дела верных его слуг и детей.

Вытянув над пнем левую руку, Джейана закусил губу и быстро провела остро отточенным лезвием чуть пониже запястья. Гномья сталь мигом просекла кожу; по клинку побежала темно-рдяная струйка. Щекоча, тяжелые капли катились вниз, падая на поверхность горелого пня. Джейана мерным речитативом вонзала в ночь заклятие, связывая собственной кровью воедино слова и стремительные образы.

Раздался скрип. Он перешёл в скрежет. Пень зашевелился, точно стараясь выбраться из земли, вырвать себя, намертво укоренившегося в этой земле. Джейана молча ждала.

Наконец пронзительный, недовольный голос соизволил дребезжа произнести:

– Это опять ты, Неистовая. Кровь твою не спутаешь ни с чьей.

– А что, к тебе её так много попадёт? – не удержалась девушка.

– Не слишком-то ты почтительна со мной, – проворчало существо в пне. – Дерзишь, вопрошаешь без соизволения.

– Я могу сжечь тебя в пепел, и ты это знаешь, – бесстрастно уронила Джейана. – Но хватит! Не для того я пришла сюда...

– Чтобы пререкаться со мной, – вздохнув, закончил её незримый собеседник. – Понимаю. Тебе нельзя терять времени. Ведунья со сворой душителей рыщет по окрестностям. В этот раз они забрались на редкость далеко.

– Душители? – Даже неустрашимая Джейана вздрогнула. Оказаться в лапах у Душителей – много хуже смерти. А что они с девочками делают!

– Они самые, – злорадно подтвердил пень.

– Хорошо, – Джейана уже овладела собой. – Я пришла спросить тебя.

– Ты можешь спросить меня только об одном, – с прежним злорадством напомнило существо. – На второй вопрос я не отвечу. А ты ведь хочешь спросить меня о двух вещах. О том, что грозит твоему клану, и о том, куда исчез твой миленький?

Глаза Джейаны вспыхнули. Ещё миг – и её гнев, обращённый в волну разящего волшебства, ударил бы по оскорбителю. Однако в последний момент она сдержалась. Видит Великий Дух, чего ей это стоило!

– Мне это ведомо, – мерно ответила она, одолев предательскую дрожь в голосе. Не видать этой твари её, Джейаны, неуверенности и страха! – Мне это отлично известно. И я задам тебе только один вопрос: что за напасть готовится рухнуть на нас?

Казалось, собеседник Джейаны презрительно удивлён.

– Ну как ты можешь быть такой бессердечной? Другая б на твоём месте...

– Вот именно поэтому с тобой и говорю именно я, – перебила духа Джейана. – Потому что спрашиваю не о своём, понятно? Ну, ты слышал вопрос? Если да – то отвечай немедленно!

– Ну, как тебе будет угодно, – существо в глубине пня на время затихло. Джейана терпеливо ждала. К её полному удивлению, вместо слов она сперва услышала какое-то шебуршанье, вороханье, шорох – однако её собеседник молчал.

Прошло довольно много времени, когда девушка наконец не выдержала.

– В чём дело?!

– Не могу ответить, – раздалось глухое пристыженное бормотание. – Ничего не понимаю. – Голос звучал все глуше и глуше, пока не умолк совсем.

– Как так – ничего не понимаешь?! – теряя голову, завопила Джейана. Это было невозможно, это было совершенно невозможно, как если бы на небе вместо четырех лун вдруг появилась бы одна или солнце взошло бы вдруг на севере. Таинственный дух, обитавший в горелом пне, всегда знал ответ на любой чётко поставленный вопрос.

– Не понимаю, не понимаю, – как заведённый бубнил скрипучий голос.

Девушка затравленно огляделась. Мрак вокруг поляны сгустился, сжался, обратившись в неприступную чёрную стену, из-за которой на дерзкую в упор глядели десятки голодных глаз. Любой визит к Отвечающему кончался одинаково – вопрос, на который ты сама не нашла ответа и обратилась с ним к потусторонним силам, развязывал тем силам руки, выпуская их на волю. Обращаться к Отвечающему рисковала одна лишь Джейана – даже неустрашимый Твердислав здесь пасовал, понимая, что из всего клана только его подруга может обуздать и загнать обратно в их обиталища темные орды, что вырывались на свободу, едва дух заканчивал свой ответ.

Холодные голоса бродячей нечисти затянули всегдашнюю тоскливую песнь. В стене мрака вспыхнули зелёные, алые, рыжие глаза. Засвистел ветер; и задержался, заскрипел старый горелый пень, точно норовя вырваться наконец из земли, пустить в ход руки-

корни, обхватить ими, стиснуть задавшую неправильный вопрос, сдавить, услышать жалкие мольбы о пощаде, а потом – предсмертный хруст костей.

– Не понимаю, не понимаю, не понимаю, – несло со всех сторон. Мрак надвинулся, совсем рядом перекликнулись холодные, исполненные ядовитой ненависти голоса – и тут даже неустрашимая Джейана от страха покрылась липким потом. Из тьмы надвигалось нечто неведомое, неосоздаемое, бесформенное, лишённое клыков, когтей, рогов и прочего, но оттого ещё более страшное. Руки девушки бессильно повисли вдоль тела. Она не могла пошевелить и пальцем, сотворить защитное заклятие, она вся оказалась во власти безжалостных нечеловеческих сил, сил, с которыми Твердиславичи никогда не сталкивались и потому ничего о них не знали. Учитель, конечно, всегда предостерегал – не следует прибегать к помощи Отвечающего, ответы нужно искать самим, потусторонние силы алчны и коварны, они никогда ничего не делают бесплатно и не помогают бескорыстно; но разве сейчас, когда исчез Твердислав со всем Старшим Десятком, когда из беспредельности незнакомых земель надвигается-накатывает неведомая, неодолимая сила – разве могла Джейана поступить иначе?

Лица коснулись бесплотные ледяные пальцы, и девушка не сдержала слабый, постыдный крик ужаса. Чья-то незримая рука лениво опустилась ей на голову, прошла сквозь кожу и кости черепа, бесцеремонно принявшись копать в её, Джейаны, памяти, с ловкостью жонглера извлекая из-под спуда все тайные страхи, давно и с усердием загонявшиеся в самые дальние уголки души. Земля под ногами вспучилась – и обретшие плоть ночные кошмары один за другим, словно жуки-дергунцы по весне, полезли на поверхность, стряхивая чёрные комья, разворачиваясь в бесконечную шеренгу и надвигаясь на Джейану.

Кажется, она закричала. Перед глазами стремительно проносились картины одна страшнее другой – пиршество невиданной нечисти над грудой мёртвых тел. Она видит запрокинутые лица мёртвых и узнает их – одно за другим. Малыши. Гилви с бесстыдно раскинутыми ногами, промежность окровавлена. Фатима с развороченной грудью. Мих, над чьими внутренностями справляет пир какая-то мелкая людоедская нечисть. И Твердислав – тоже мертвый, со скушенными напрочь руками. Такого с ней никогда ещё не было. Вся её сила таяла, точно собранный медовками воск на ярком солнце. Ни защиты, ни обороны. Ничего. Совсем ничего. Только пустота и одиночество.

«У тебя есть выход», – внезапно услышала она. Голос этот оказался ровен, холоден, строг, но при этом – отнюдь не лишён внутренней сжатой силы.

Еще миг – и Джейану охватила бы слепая гибельная паника.

«Нет! Нет! Не сдамся! Не побегу! И слушать не стану!»

Заклинаний не осталось, и последнее, на что можно рассчитывать, – на собственную волю. Если сейчас не дрогнешь, то тебя, может, и убьют, – но душа твоя чистой и незапятнанной предстанет перед Великим Духом, ты смело и прямо взглянешь Ему в глаза, и никто не сможет осудить тебя за трусость – самый страшный грех перед кланом.

Раздирая кожу, по ноге Джейаны прошёлся горелый корень. Пень вывернулся-таки из земли. И это странным образом помогло девушке – как справиться со взбесившимися древесными духами, Леснянками или иными обитателями чащоб, Джейана знала прекрасно. И сейчас сознание само по себе воспроизвело начисто было вылетевшие из головы защитные формулы.

Она никогда не знала, что с её пальцев, оказывается, способен течь голубой огонь. И, конечно, никогда и представить себе не могла, что сама, своими руками уничтожит Отвечающего.

Огонь вырвался наружу вместе со спазмом резкой боли. Короткая голубоватая вспышка озарила крошечную поляну и толпу каких-то жутких тварей вокруг – больше всего они напоминали поднятые из могил людские скелеты. Густо, густо стояли они между дере-

вями, среди кустов, тесно друг к другу, без малейшего просвета; кости кое-где отливали металлом, в пустых глазницах горели огни глаз. Никогда ещё Джейана не видела ничего подобного, не знала, как и чем с ними бороться, и поэтому всё, что ей осталось, это, сжав зубы, ударить, точно копьём, той самой новообретенной силой.

Кольцо врагов распалось. Молния обожгла саму Джейану – но при этом пробила широкую брешь в строю окруживших её. Не теряя ни секунды, девушка ринулась в проем.

Цепкие лапы Ночи скользнули по плечам, разрывая прочную ткань куртки. Чьи-то когти попытались вцепиться ей в шею и промахнулись, лишь оцарапав кожу. Джейана врезалась в стену душистиков, высоких мягких кустов, что запахом своим всегда отлично отпугивали нечисть, и погоня разом отстала.

Сердце готово было вырваться из груди. По лицу стекали пот и кровь из невесты откуда взявшихся царапин. Чувствуя, что более не в состоянии сотворить ни одного заклятия, Джейана бросилась бежать, понимая, что даже душистики – плохая защита, что эти костяные твари достаточно хитры для того, чтобы выкурить её и оттуда.

Дежуривший на Ближнем Валу Сигурд только присвистнул, увидав внезапно вырвавшуюся из злой ночной тьмы предводительницу клана. Джейана тяжело, с хрипом дышала, наброшенная поверх туники лесная куртка разорвана, обильно закапана кровью, лоб разодран, на щеке и шее – следы чьих-то когтей.

Разумеется, ни одного вопроса Сигурд не задал.

– Короче, – упершись руками в стену Вала, Джейана постояла так несколько мгновений, низко опустив голову и стараясь побороть подступившую тошноту. – Тут у вас всё спокойно? Ничего сейчас не слышали?

– Всё спокойно, – как можно солиднее отвечивал мальчишка. Сигурд отличался отчаянной непоседливостью, и потому, несмотря на его почти четырнадцать лет, никто в клане не принимал его всерьёз. Правда, Великий Дух не обделил озорника и проныру Сигурда магическим даром – он мастерски чуял нечисть за доброе поприще, – и потому Джейана, не колеблясь, поставила его на Ближний Вал. Если что случится – Сигурд поднимет тревогу лучше и скорее сторожевого духа.

– Все спокойно? – Девушка не могла поверить. Такой тарарам, такие полчища, обрушившиеся на неё, а этот щенок утверждает, что ничего не чувствовал! – Спал небось?!

– Да как можно! – обиженно засопел Сигурд. – Чтобы я – и спал?

Это было чистой правдой. Сигурд мог скорее проскакать всю ночь вокруг костра, любуясь на звезды, чем позорно дрыхнуть где-нибудь в тихом уголке.

– А если не спал, – Джейана помедлила, – то отвечай: сейчас, в той стороне, где Отвечающий, ничего не заметил? Ничего не слышал?

Сигурд отчаянно помотал головой. Длинные прямые волосы, светло-светло солнечные, мотнулись из стороны в сторону.

– Ничего, ничего, Джейана.

В клане всех называли просто по именам, лишь Твердислава порой кликали «вождем» или «вожаком».

– Хорошо, молодец, – устало бросила Джейана, подсаживаясь к тлевшему в неглубокой яме костерку.

Сигурд ничего не почувствовал. Что всё это значит? Может, ей все эти кошмары просто пригрезились? А расцарапанные шея и щеки – просто от того, что она слишком быстро, не разбирая дороги, ломилась сквозь кусты?

Отчего-то очень захотелось, чтобы Твердь оказался бы сейчас рядом. Даже не для того, чтобы пустить в ход всю силу Ключ-Камня. А просто сказать: «Джей, не зарывайся. Не придумывай себе новых страхов, Джей!» Как он убедительно умел это произносить. И как убедительно это звучало, особенно уже после того, как любовная горячка схлынула и они просто

лежат рядом, лишь чуть-чуть касаясь друг друга, и всё внимание Джейаны – к собственному голому бедру, на которое естественно-властным жестом упала тяжёлая рука любимого, рука, одинаково хорошо умеющая ласкать и разить.

Ох, не те это мысли, Джейана, не те, коим следует предаваться ночью на Ближнем Валу, чудом вырвавшись из плена призраков и ежеминутно ожидая удара неведомой нечисти!

Она не успела как следует разругать себя. Сдавленно закричал, хватаясь за голову, Сигурд, а в слабом отсвете упрятанного поглубже костерка Джейана увидела, как перед Ближним Валом вспучивается земля, вспучивается широким – шагов до дюжины – пузырьём, как верхушка чудовищного нарыва лопается, и пласты земли соскальзывают вниз, с остроко- нечной чудовищной башки; башка эта покрыта синевато-стальными пластинами защитной брони, пластины разъезжаются, расходятся, на поверхности появляются какие-то длинные многосуставчатые усы, кровавые шары на гибких стеблях – вроде как глаза, а чуть пониже распахивается настоящий провал чёрной пасти, из которой разит непереносимым смрадом. Вывороченная чудовищем земля разом засыпала с такими трудами откопанный ров; рдяные буркалы монстра повернулись к валу – и только теперь остолбеневшая было Джейана нашла наконец в себе силы ответить.

Она не успела объединить воедино всю силу остальных защитников Вала. Суматошно повскакавшие на ноги мальчишки и девчонки тоже пытались ударить по врагу – но пооди- ночке, а это всегда и заведомо меньше, чем совокупная сила клана. Но, чтобы слить силу многих в один разящий огненный меч, надо чуть побольше тех трех секунд, что оставила Джейане судьба.

Первой успела Гилви. Её невидимый снаряд врезался в броню чудовища, одна из бро- невых чешуек отлетела напрочь, открыв розоватую шевелящуюся мякоть; по земле застру- илась светящаяся кровь.

За Гилви ударили и остальные. Огненные ленты, змеящиеся молнии, чёрные воронки смерчей – в ход пошло все, чем могли атаковать Твердиславичи. Магия рвала и жгла пан- цирь, разлетались горячими рваными ошмётками кровавые шары глаз, горели усы страши- лица, но, нимало не смущаясь, оно выползало и выползало из земляной норы, и не было конца мощному чешуйчатому телу. Бреши на местах отлетевших или рассеченных пла- стин брони мгновенно заполнялись. Мякоть моментально твердела, оборачиваясь новыми серыми щитами вместо сорванных. Ненасытная, неведомая утроба, казалось, способна пере- варить даже магический огонь.

Не издавая ни звука, тварь плыла сквозь землю, оставляя за собой чёрную борозду взрыхлённой, взрытой земли. Джейана видела, как, застав, вторично ударила Гилви; и в тот же момент Неистовая поняла, что именно к таким атакам и был готов (или кем-то подго- товлен) этот подземный монстр, что потеря чешуи для него – не более, чем лёгкая щекотка, и что он не остановится, лишившись даже сотни глаз.

Эти очень долгие секунды, пока пламя и молнии рвали панцирь монстра, Джейана про- стояла, бессильно уронив руки и ничего не предпринимая. Она просто не знала, что делать. Совсем, абсолютно, полностью. Казалось, что всё потеряно и осталось только одно – уме- реть, сражаясь. Воздух вокруг кипел и стонал от молний и пламени. Огненные росчерки вхо- лостую расходуемой силы заполнили всё вокруг. Ещё немного – и родовичи просто выдох- нутся, изойдут кровавым потом, после чего весь клан Твердиславичей можно будет брать голыми руками. Никогда никто ещё не сталкивался с таким чудовищем. Молчали песни, сказки, байки. Люди всегда были сильнее нечисти. Ведунам никогда не удавалось всерьез угрожать самому существованию какого-нибудь клана. И никогда ещё никому не приходи- лось драться вот так – всем кланом насмерть.

– Замерли все! – страшным голосом загремела Джейана, перекрывая треск молний и громовые раскаты. – Замерли-и-и-и!

Послушались.

Неверными, дрожащими руками Джейана начала плести Сеть. Сеть, в которой объединятся все волшебники-бойцы клана. Только она, Неистовая, может сплести её, эту Сеть, и только она может набросить её удушающие петли на чудовище.

Могучие, облитые чешуёй плечи бестии легко, словно играючи, раздвинули Ближний Вал.

Никто не отступил. В разом наступившей тишине слышалось только тяжкое сопение монстра. Громадная челюсть приподнялась; открылись многорядные челюсти. Странные, беззубые, но в тот миг Джейане было не до таких подробностей. Видимые одной ей светящиеся зеленоватые нити свивались и переплетались, боль ломала защитников Вала – Неистовая грубо, резко тянула на себя незримый покров магической силы. Это было очень, очень больно. Выдерживали не все.

Упала Салли, нежная маленькая Салли, которая так хорошо умела плести весёлые, разноцветные безделки фейерверков, упала, не выдержав жуткого ощущения – холодная рука безжалостно шарит в мозгу, брезгливо сортируя мысли и образы, отбрасывая в сторону память о первом поцелуе и как ей, Салли, впервые признались в любви. Всё это не годилось для боя. Сила, Сила, Сила – ничего, кроме Силы. Джейана, словно неумелый мясник, кромсала по живому большим заржавленным ножом, и её мальчишки с девчонками кричали – от страха и боли, позабыв даже про жуткое чудовище, что пёрло и пёрло напрямиком на них.

За Салли – Светланка. Ариадна. Дункан. Мелоди. Леон. Купава. Мечислав.

Уже почти ничего не осталось от Ближнего Вала. Джейана отступала шаг за шагом; только она одна видела рвущие плоть твари синие молнии (почему, ну почему Великий Дух даровал нам лишь это примитивное оружие?!) и понимала, что если не остановит чудовище сейчас, то не остановит уже никогда. И тогда роду Твердиславичей не жить.

Из всех защитников Вала на ногах остались лишь Джейана да Гилви. Девчонка, несмотря на боль, стояла пошатываясь и прижав пальцы рук к вискам, помогая Неистойой, отдавая всю себя бою, до последней капли; но Джейане нужно было больше, ещё больше, намного больше!

«Ну потеряй же сознание, ну скорее, *глупная*! Такую боль иначе не вытерпеть!» – Джейана не могла крикнуть, не могла обратиться к Гилви мысленно; всё без остатка забирало сражение. А эта глупная дурочка, эта плакса держится и терпит, думая, что этим помогает ей, Джейане!

Поздно было плакать и горевать, сожалея о том, что не предупредила всех заранее, не сказала – падайте, валитесь, отрубайтесь!

Очередная молния врезалась в плоть твари. Очередная серая панцирная плита расплавилась. В очередной раз на её месте из розоватого парящего мяса начала складываться новая. Сеть Силы была готова, Джейана накинула её на тварь, но синие молнии били в чудовище, словно в пустое место.

Ночь раздвинула полы чёрного плаща, с наивным любопытством взирая на битву. На тёмной, тёмной земле, посреди мрачной чащи ярко горел огонь колдовской силы, сверкали и разили молнии, и нечто серое, громадное, тупое и злобное надвигалось прямо на впавшую в транс Джейану. Она ни на миг не могла ослабить напор. Ей не хватало ещё чуть-чуть, самой малости, той самой малости, которая оставалась у Гилви и которую она, Джейана, смогла бы вырвать, лишь убив несчастную.

Убив?

– Гилви! Хватит! Не противься! Падай!

Джейана отвлеклась. Отвлеклась на секунду, не больше – много ли времени нужно выкрикнуть эти слова? Но в магическом поединке и секунда – очень много. Слишком много. Чудище в яме радостно-утробно взревело. Сеть затрещала по швам. Земля волнами плеснула

в стороны, словно простая вода. Мельком Джейана заметила, что бурые отвалы накрыли тела защитников. Похоронены заживо – и кто знает, откапав ли их.

Тварь была совсем близко. Джейану окатило жаркое зловоние. Руки отказывались повиноваться, глаза неотрывно смотрели в бездонную ночь зрачка на болтающемся кровавом шаре, только-только появившемся из розоватой плоти зверя.

Великий Дух, я больше не могу!

Будь здесь Твердислав, всё обернулось бы по-иному. Он придумал бы, как обычным копьём из красноплодки ранить чудище сильнее, чем самым страшным, самым гибельным заклинанием – если откажет даже сам Ключ-Камень.

Гилви услышала вопль Джейаны. Но разве можно потерять сознание по собственной воле, когда все силы отдаются борьбе, и накрепко затвержено – стоять насмерть! Держаться до последнего!

Она не могла потерять сознание по приказу.

Монстр напирал. Бездушный, не испытывающий ни страха, ни боли, он желал лишь одного – жрать. Джейана чувствовала его тупой мозг, лишённый даже гнева и ярости – одни только голые рефлексy. И, уже понимая, что проиграла, что даром погубила всех, судорожно продолжала стягивать Сеть – лишь для того, чтобы сотканые из человеческой боли и страданий ячейки рвались под натиском громоздкой туши.

Гилви растерянно обернулась. В больших глазах застыло удивление – Неистовая, ну что же ты? И не объяснишь, не втолкуешь дурёхе, что из-за её, Гилвиной, стойкости погибает сейчас клан!

– Джей!

Не было времени оборачиваться. Но, Великий Дух, какой Ведун притащил сюда Фатиму?

Фигурка Фатимы появилась сбоку от чудовища. В лучшей выбеленной накидке, на лбу – дивно мерцающий резной обруч из серебрянки, на запястьях – такие же, в пару, браслеты. Словно со свидания, впрочем, она как раз и была со свидания. На руках у девушки сидела малышка лет пяти с дивными золотистыми волосами, какие бывают только у феечек. Лиззи. Девчушка с громадным и добрым даром, из которой ещё долго предстоит растить настоящую Ворожею, способную драться и убивать.

Джейана не успела ни остановить безумных, ни даже просто гаркнуть им «стой!». Лиззи неожиданно легко спрыгнула на землю, ловко перебирая босыми ножками, подбежала к ворочающемуся во рву убийственному монстру. Положила обе ладошки на серую чешую и вроде бы что-то прошептала.

Басовитое гудение внезапно прервалось. Длинные усы опали. Кровавые шары глаз с неожиданной быстротой начали втягиваться под панцирь. Видимый лишь Джейане, над тварью начал быстро раскрываться голубоватый призрачный ореол сна.

Лиззи усыпила страшилище.

– Гилви, Фатима! – От вопля Джейаны, казалось, сюда сбежится вся нечисть, что обычно окружает Отвечающего.

Гилви поняла всё быстрее медлительной Фатимы. Рыжие девчоночьи космы мелькнули возле серой брони – и малышка оказалась на руках у Гилви. И вовремя – потому что сонная голубизна стремительно гасла, и Джейане на последний удар оставались уже не секунды, а их жалкие, стремительно тающие доли.

И всё же она успела. Удар получился коварным и предательским – по сонному, ослабившему защиту врагу. Но иного выхода нет. Либо ты покончишь с этой тварью – либо твоему клану не жить. Всегда, когда перед Джейаной оказывался этот выбор, она решала его не рассуждая, мгновенно и однозначно. Клан должен жить, а какой ценой – никого не вол-

нует. За всё в ответе она одна. И она даст ответ – когда, вознесенная на Летучем Корабле, предстанет перед судом Великого Духа.

Удар получился на славу. Вся накопленная Сетью сила, безжалостно вырванная из защитников Вала, обернулась разящим огненным мечом (ничего иного Джейане в тот миг просто не пришло на ум). Серый панцирь рассекло надвое. Горящая плоть брызнула в разные стороны. Монстр забился в корчах, а Джейана с мстительным восторгом всё вгоняла и вгоняла в необъятную тушу свой невидимый клинок. Из страшной раны летели обжигающие чёрные брызги, перебитые жилы извергали потоки ядовитой крови – Фатима быстрым заклятием отвела гибельный дождь от Джейаны.

Джейана слышала тот жуткий хруст, с которым её невидимый клинок рубил костяк чудовища. Хруст – и тонкий, жалобный плач, с которым тварь выпускала дух.

А потом меч дошел до каких-то витальных вместилищ бестии, и огонь клинка, соединившись с жизненной силой, воспламенил их.

Из воронки вверх, к тёмным небесам, ринулось крутящееся, всежигающее пламя. Казалось, вспыхнула сама земля. Огненные языки взлетели выше темных древесных крон; жгучий ветер воспламенил кору и сучья, так что Фатиме с Гилви пришлось в зародыше давить начало лесного пожара.

Джейана же, не чувствуя палящего жара, повалилась прямо там, где стояла. Тело отказывалось повиноваться. Отдавшее без остатка все силы, оно хотело сейчас только одного – забыться. Боль, которая мучила всех остальных Твердиславичей, боль, с какой Джейана рвала из них нужную ей силу, обернулась теперь против неё. Ускользнуть, спастись от непереносимой муки (огонь и снег одновременно; сжимает и растягивает) она могла только в беспамятстве. И она старалась. Частично это уже удалось – она не слышала голосов, не чувствовала теребящих, трясущих её рук. Острыми ледяными иглами в обмерший, парализованный разум вонзались поспешные заклятия Фатимы. Джейана отбивалась как могла, неосознанно защищая теплый серый кокон обморока, такой уютный, такой покойный, из которого её вырвала Гилви, вернув полученную днём пощечину.

Подруга Твердислава рывком села. Щека горела, постыдно и унижительно. Её ударили. Хлестнули по лицу, как ополоумевшую плаксу. На глазах у Фатимы. Неистовую заливала жаркая волна стыда; всякая иная боль исчезла бесследно.

Джейана в упор смотрела на перепуганную Гилви. Глаза у девчонки сделались совершенно белыми. Никто и никогда не тронул Неистовую даже пальцем. Даже когда она была малышкой.

– Ты... ты умирала, – пролепетала Гилви.

Ах, если бы эта рыжая стерва не была бы так нужна клану! С каким наслаждением Джейана вызвала бы её на поединок и прикончила бы, не оставив ни одного шанса. Очень, очень редки поединки в кланах – только если становится ясно, что двоим под одним солнцем не ужитья.

– Джей, – влезла Фатима. – Уж ты бы лучше помолчала, подруга! Валялась в обнимку со своим Дэвидом, пока мы тут...

Джейана в тот миг совершенно забыла о том, что она сама дала сегодня отпуск.

– Джей, успокойся, ты что в самом деле.

В остекленевших глазах Неистойой была смерть. Смерть Гилви. И рыжеволосая это отлично видела. Как и Фатима.

Но нельзя, нельзя! Проклятие! О Великий Дух, за что ты караешь меня бессилием! Только я в этом клане имею право раздавать пощечины – потому что это нужно для дела. Но что будет, если всякие соплячки начнут раздавать пощечины МНЕ?!

Оттолкнув протянутую руку Фатимы, Джейана встала. Усилием воли изгнала постыдную дрожь из нежданно ослабевших ног. Уже открыла рот, собираясь заговорить.

– Тетя Джей, у меня голова болит и кружится, – неожиданно пропищала Лиззи, о которой все, признаться, несколько забыли в суматохе. Малышка стояла, прижавшись щекой к ноге Гилви, и рука девчонки машинально перебирала мягкие золотые локоны.

– Ф-фатима, – прохрипела Джейана. – Чего столбом стоишь? Дав-вайте Лиззи на руки и домой. И народ сюда – остальных откапывать.

– Гилви одна справится, – с неожиданной резкостью отрубил Фатима, гневно тряхнув головой. Десятки искусно заплетенных тонких косичек мотнулись из стороны в сторону.

– И-исполняй! – зарычала было Неистовая, но вместо внушительного рыка получился какой-то хриплый шепот.

– Нет уж, дорогая моя, – чуткие пальцы Фатимы уже скользили по щекам Джейаны, по вискам, осторожно касались шеи, моментальными ласковыми нажатиями изгоняя боль и возвращая силы. – Нет уж. Ты лежи. Твое дело кончилось. А моё только начинается. Сейчас я тебя в порядок приведу, и остальными займемся. А там и Гилви подмогу пришлет.

Однако даже раньше, чем подоспели родовичи из поселка, возле остатков Ближнего Вала появились Дим, Джиг и Лев.

Глава пятая

В отличие от всех прочих эта троица проделала весь путь без всяких происшествий. Им не встретилось ничего опасного, или пугающего, или хотя бы необычного. Всё как всегда.

Едва приметная тропка вела их длинными сухими увалами, где по кочкам уже алели ранние ягоды (постарались Леснянки, спасибо им!), где сосны мешались с красноплодками и копьеростами, где кусты серебрилиста застыли в дивных своих нарядах, предмете вечной зависти и охов-вздохов девчоночьей части клана; солнце играло на тонких паучьих арфах, и в другое время Лев, наверное, не преминул бы попытаться зачаровать одно из этих жутких на вид мохноногих созданий размером с десятилетнего ребёнка и послушать их дивную, диковинную музыку, так не похожую на мотивы человеческих напевов; на укромных полянках кружилась в весёлом беззаботном танце фейная мелочь, голубые, ультрамариновые, кобальтовые, рдяные, изумрудные крылышки, трепеща, сливались в дивные радуги. При виде Твердиславичей феечки кидались врассыпную, и лишь тонкий весёлый смех оставался над покинутой поляной. Надо было сотворить заклятье, чтобы упротить фейный народ вернуться, но сейчас было не до развлечений. Задание вождя просто и понятно. Рассуждать нечего, надо его просто выполнить. Если все будут справлять то, что им должно, никакая беда клану не страшна.

Увалы перемежались длинными полосами болот. Впрочем, эти болота не имели ничего общего с мрачными трясиными и бучилами, что охраняли границы Речной Страны. Здесь болота покрывал яркий, многоцветный ковер из трав, среди тростника темнели неглубокие омутки, обиталище смешливых водяных дев. Как и на старицах Речной Страны, здесь гнезилось немало птиц; и даже невысокие водянки, растущие здесь, отнюдь не казались жалкими уродцами. Длинные плети их ветвей с мягкой, самой мягкой в окрестностях листвой, опускались до самого разнотравья, купая нежно-зеленые отростки побегов в чистой родниковой воде. Здесь, под толстой травяной шубой, жили, дышали подземные ключи, толчками выбрасывая из себя кристальную холодную до ломоты в зубах воду. Здесь брали начало многие речушки, мелкие притоки Ветёлы; сюда на ночные бдения собирались многие волшебные обитатели Прискалья, не злые и не добрые, а те, что живут своей собственной жизнью, не вмешиваясь ни в людские дела, ни в дела их врагов или союзников. Джиг утверждал, что будто бы здесь даже видели эльфа, однако его только подняли на смех – во отмочил, какие тут тебе эльфы, они от своих приморских рощ далеко не отходят, это каждый знает!

Здесь находились коренные охотничьи владения Твердиславичей. Немалыми усилиями и немалой ценой, при помощи Учителя, отсюда выбили всю без остатка кровожадную нечисть, после чего сюда могли ходить и небольшие группки, по три-четыре человека, вот как сейчас, например.

Твердислав знал, кого ставить вместе в один отряд. Дим, Джиг и Лев были «не разлей вода» уже лет семь, как только им приспел срок начать учиться у наставника. Всегда вместе, всегда заодно. В бою или на охоте – ударяли, точно одна рука. Хотя внешне – очень разные. Дим высокий, тощий, светловолосый, глаза голубые. Медлительный, любит полежать на спине, задумчиво глядя в небо. Говорит мало, но всегда по делу. Джиг, наоборот, маленький и толстенький, справный. Этот тараторит без умолку, сперва двадцать слов скажет, а уж потом задумается, для чего и первое-то произносил. Живчик, на месте ему не сидится, всё чего-то носится, что-то затевает. Дим – у него что-то вроде стопора. Отсекать все те безумные выдумки, что из Джига так и хлещут.

Лев, третий, самый, пожалуй, нормальный. Не высокий и не низкий, не толстый и не худой. Спокойный, но, если его довести, взорвется не хуже Джига. Один из лучших бардов

клана. Его пунктик – заставить музицировать всё, что стоит, течёт, растёт, летает, бежит и прыгает. Пауки-арфисты – его находка.

Троица миновала длинный болотный язык. Последний увал – а за ним и Пэков Холм, граница клана. Дальше – Пожарное Болото. Мерзкое место. Здесь уже чувствуется суровая власть Ведунов. Когда-то на этом болоте горели торфяники да так, что почти все растущее на нём погибло. Своим чародейством Ведуны не дали земле затянуть раны, взрастить новое на смену сгоревшему; болото осталось пустым и мертвым, всё утыканное чёрными скелетами погибших водянок, прямиц и сосенок. Весна ли, лето – на Пожарной Болотине ничего не менялось. Сухо шелестела под ветром жёлтая трава, что стояла так годами, не гняя; даже нормальных змей здесь не водилось. Лишь среди пожухлых кочек скользили чёрные извивы ведуньиных червей – тварей ядовитых и опасных, но, по счастью, никогда не пытавшихся выбраться за проведённую кем-то невидимую границу.

Пэков Холм вздыбливался громадным горбом. С южной стороны склоны его были зелены и покаты; вершину покрывала густая дубовая роща; на севере же вниз с высоты пятнадцати саженей падал крутой откос. Из-под мягкой земляной накидки здесь показывалось могучее плечо серой скалы – гладкой, без трещин, выщербинок и карнизов. Каменная стена отвесно опускалась в ядовитую желтизну Пожарного Болота, являя собой отличную защиту для тех, кто засядет на вершине.

За те годы, что Твердиславичи владели краем, они успели возвести на вершине Пэкова Холма настоящую крепость. Почти всё придумали сами, Учитель подсказал лишь в самом малом. Не тронув заповедные дубы, натащили камней и бревен, усилив восточный и западный склоны стенами почти в два человеческих роста. Установили метательные машины, на собственном опыте убедившись, что против Ведунов иной раз увесистый булыжник действеннее магии.

С Пэкова Холма Пожарное Болото (особенно если залезть на дозорный пост, устроенный в ветвях самого высокого из дубов) просматривалось из конца в конец, и на севере видна была синеватая полоса Лысого Леса. Все как на ладони. И зырики запускать удобно.

Оттуда с полуночи, бывало, внезапно появлялись ведуньины отряды. С непонятным упорством подступали к Пэкову Холму, несколько раз пытались взять штурмом. Последний раз больше года назад, прошлой весной, едва только стаял снег. Подступали – и откатывались. Осадных машин Ведуны не имели и с каким-то непонятным презрением старались обойтись без них, а иначе никак не взять Пэков Холм.

Разумеется, ни Дим, ни Джиг, ни Лев ни на миг не верили в Старого Пэка. Во-первых, если б он был, Джейана Неистовая уже давно бы пристроила его к защите рубежей клана; во-вторых, никто из парней, даже самых сведущих в магии, никогда не замечали за этим местом ничего необычного (ну, живут тут всегдашние лесные обитатели, и видимые, и невидимые), и, наконец, в-третьих, никто из мальчишек, дежуривших на Пэковом Холме, никогда никакой хвои у себя в штанах не обнаруживал. Обычная хвастливая девчоночья выдумка.

Тем не менее никто не отрицал, что именно девичьей страже отчего-то на этом Холме везёт всегда больше. Не вдаваясь в подробности, Твердислав просто решил не спорить с обстоятельствами, и с тех пор охрану Пэкова Холма обычно несли девчонки, лишь изредка подменяемые десятком-другим парней.

Таиться не было никакого смысла (Джейана и Фатима, самые сильные Ворожеи клана, не пожалели сил на опутывание Пэкова Холма целой сетью охранных заклинаний), но тем не менее все до единого мальчишки клана считали делом чести хоть раз, но застать врасплох сторожей-девчонок, слишком высоко, по всеобщему мальчишескому мнению, задирающих нос. Дань этому отдали в своё время и Дим с приятелями; и оттого совершенно седа Марьяна страшно удивилась, когда эта троица не сделала и малейшей попытки прошмыгнуть к Холму незамеченными.

– Эй! Холмовые, как дела? – гаркнул Джиг, когда они все трое поднимались по узкой тропинке, выходящей по пологому южному склону.

– Да уж получше, чем у вас! – тотчас выпалила в ответ Синди, высунувшись из дозорного гнезда, искусно укрытого среди ветвей ближайшего дуба.

– Это ещё почему? – немедленно возмутился Джиг. – Сидите тут, ровно пеньки на вырубке, и о том, что делается, – ни сном, ни духом! Марьяна где? У нас к ней дело!

– Будто не знаешь! – фыркнула Синди, не забыв, правда, кокетливо поправить при этом упавшую на глаза прядку. – А может, у тебя всю память отшибло? Мозги кое-чем залило? Из того, что между ног?

– Тьфу, балаболка! – Джиг плюнул, подбоченился и уже совсем было решился вступить в серьёзную, солидную, основательную перебранку, но тут вмешались и Лев, и даже молчун Дим.

– Пошли, пошли, нам задерживаться нечего, Марьяне все обскажем и домой.

Марьяна, худая, кареглазая, с седыми от пережитого как-то ужаса волосами (она попала в руки Ведунам и уже лежала, связанная, на каменном жертвеннике, когда подоспел Твердислав с пятью десятками парней и после жестокого боя отбил пленницу), встретила юношей наверху. Ей было уже шестнадцать, и хотя ей осталось ждать младенца всего четыре месяца, она по-прежнему ходила в дозоры.

– Ну, с чем пожаловали? – Марьяна сидела возле громадной катапульты, предмета гордости Твердислава и всей мужской половины клана. Известно, что девчонки искуснее парней в магии – зато у юношей куда лучше получались всякие механические изобретения и приспособления. Способы мышления разные, как замечал по этому поводу Учитель.

Джиг уже открыл было рот, но Дим и Лев разом схватили его за руки. Заговорил Дим – все знали, что этот никогда не откроет рот попусту.

– Ведунья на юге. Твердислав видел след. За Косым Увалом и дальше на полдень, к Речной Стране. Он за ней пошел. Нас сюда отправил. Велел всё осмотреть, у тебя спросить, а потом Джейане доложить. По пути ничего опасного. А у вас?

– Всё спокойно, – Марьяна встревожилась. И в самом деле, год плохой, весна выдалась гнилая, охоты мало, да и так дважды выкупы платили. И вот теперь Ведунья за Косым Увалом! Обошли, значит, Пэков Холм, не полезли в лоб, как раньше. Плохо, очень плохо! А что, если стража здесь вообще помочь ничем не сможет?

– Совсем, совсем спокойно? – выпалил Джиг. – А может, смотрели плохо? Может, эта тварь мимо вас проскользнула?

Марьяна метнула на болтуна короткий взгляд исподлобья, и Джиг немедленно прикусил язык.

– Ничего опасного, – она подчеркнуто обращалась к Диму. – Повторяю – ничего. Девчонки зыриков гоняли аж до самого Лысого Леса – пусто. Одни черви, ну да это как обычно.

– Понятно, – кивнул Лев. – Ну что же, мы своё дело справили. Вам всем спокойной стражи! А нам пора к дому двигаться.

– Погодите, погодите, куда же вы! – спохватилась Марьяна. Накормить пришедшего из леса – первый женский инстинкт, пусть даже ты начальствуешь над стражей в три десятка человек.

Вот так и получилось – пока мылись, ели, передыхали, времени прошло немало. К окружавшим становище скалам подошли уже глубокой ночью.

То, что дело дрянь и впереди, судя по всему, идет жаркая схватка, поняли уже загодя. По небу впереди метались какие-то алые, зеленоватые, синие сполохи; под ногами раз, другой, третий вздрогнула земля. Дим первый замер, бросился к кусту красноплодки.

– Помогите!

Общими усилиями, в лихорадочной спешке, обдирая ладони, выломали себе по колу. Какое-никакое, а всё ж оружие. И бесшумным охотничьим бегом помчались вперед, рассчитывая силы так, чтобы приспеть к месту боя вконец не запаленными.

Однако приспели, когда всё уже кончилось.

– Ох ты! – вырвалось у Джига при виде громадной воронки, заполненной какой-то обугленной, смрадно воняющей массой. – Вот это да! Великий Дух...

– Да не болтай, а помогай! – с неожиданной злостью гаркнул вдруг Дим. Вместе со Львом они уже отбрасывали руками землю, пытаясь извлечь полужасыпанную Олесю.

– Парни, ох, мамочка! – Фатима схватилась за голову, глаза у неё стали совсем-совсем белые – видно даже в тусклом свете догорающих тут и там костров. Из всего Старшего Десятка вернулось всего трое! Трое! И Твердислава нет.

Джейана приподнялась на локте. Кровяная муть затягивала взор, она почти ничего не видела, но голоса разбирала отчетливо и тотчас поняла, что к чему.

– Дим или Лев, что случилось? Где Твердислав?

Не переставая яростно отгребать землю, разом отозвались все трое. Джиг, конечно же, промолчать никак не мог.

«Великий Дух, – неслось в голове у Джейаны. – Как всё просто, оказывается. Ну да, конечно же, как я сразу не сообразила. Ведунья. Пошли по следу. А я-то чуть не разревелась».

– Эй, постойте! – вдруг всполошился Джиг. – А как же Буян со своими? Твердь же их к вам гонцами послал! Сразу же, как только на след наткнулся!

Джейана заставила себя сесть. Усилия Фатимы не пропадали даром – ещё немного, и всё будет в порядке.

– Никто не приходил.

– Не может быть! – помрачнел Лев. – Буян, Стойко и Ставич! Меньше чем в дне пути от поселка! По чистому пути! Куда ж они провалились?

Нет, беда одна не приходит. И если трое далеко не самых слабых парней исчезают в считавшихся совершенно безопасными краях – дело дрянь. И значит, первым делом сейчас надо дотянуться до Твердислава, послать ему весть, чтобы немедленно возвращался. И отправить всех, кого можно, прочёсывать лес. Никто из Твердиславичей не может пропасть бесследно! Такого не бывает!

Тем временем подросла подмога из посёлка. Гилви привела всех, кого только могла. Лекарки и травницы, Ирка, Дженнифер, Фируз и Сигрид дружно взялись за дело.

Джейана заставила себя встать. Не может она, Джейана Неистовая, задницу о землю плющить, когда такие дела! Слабость нахлынула волной, ноги подгибались – однако она устояла. Фатима осторожно поддержала подругу под локоть – так, чтобы не заметили другие. Нужна, нужна сейчас клану Неистовая, что бы про неё ни говорили!

Суматоха не стихала до самого утра. По счастью, все выжили, никто не погиб, хотя кое-кого откачивали довольно долго. Потом Джейана, не дав никому и дух перевести, погнала всех засыпать яму с останками чудовища. Ближний Вал погиб, и теперь предстояло как можно быстрее соорудить что-то взамен.

И только Лиззи к утру стало хуже. Её колотил жестокий озноб; начался бред. Девчушку то и дело сотрясала судорога бесплодной, не приносящей облегчения рвоты. Все усилия Фатимы и Сигрид пропали даром. И даже Джейана, собравшая последние силы и схватившаяся с непонятной хворью грудь в грудь, не преуспела. Лиззи дышала с трудом, глаза ввалились, вокруг залегла глубокая синева.

Правда, после этого хуже уже не становилось. Фатима долго сидела, положив руку на лоб Лиззи, после чего заявила, что «смерть ближе не подходит».

Джейана валилась с ног от усталости. Нечего было и пробовать докричаться до Твердислава. Ничего, ничего, ближе к вечеру.

Глава шестая

Ни о чём не подозревавшие Твердислав, Чарус, Кукач и близнецы пробирались запутанными тропами Речной Страны. Ведунья след вёл их все дальше и дальше, между тихими старицами и зарастающими озерами, мимо заросших лесом островов и окаймлённых тростниковыми занавесами протоков. Третий день пути не принёс ничего нового. Злодейка ломила напрямик, не озабочась даже оставить какие-нибудь неприятные сюрпризы возможным преследователям. Неужели была настолько уверена в себе? Или – в том, что гнаться за ней никто не станет?

По дороге смастерили себе по паре недлинных копий – совсем безоружными на такое дело выходить не следует, это и папридою понятно.

Утро выдалось чудным, чувствительная Фатима сказала бы даже —«волшебным». Здесь, в Речной Стране, утро и впрямь лучше всего. Тихо, покойно, от бесчисленных речушек веет прохладой; ну а птичий тарарам вдруг начинает казаться единой, слитной мелодией.

: *Великий Дух, однако где ж у соседушек дозоры?*: полюбопытствовал Тарни, когда они и на сей раз не обнаружили никаких признаков жизни. По привычке он говорил без слов.

: *И я в толк никак не возьму*!, отозвался Чарус.: *Лайк всегда держал здесь пост. А нынче, вон, даже старого кострища не видно!*:

Путники коротали ночь на крошечном островке, затерянном среди непроходимого лабиринта протоков и стариц. С северного лесистого берега сюда вела неприметная тайная тропка, однако для Ведуньи она тайной, судя по всему, отнюдь не была. И она, и её зловещая свита (Твердиславу так и не удалось определить, кто же точно входит в эту свиту и сколько там всего тварей – что само по себе казалось странным и достаточно неприятным) легко миновали запутанные дебри и теперь шли все дальше и дальше, прямо к обиталищу клана Лайка. (Вообще-то, этот клан носил полное имя «клан Лайка-и-Ли», поскольку Ли звали Лайкову спутницу, но злоехидные парни из-за вечных противоречий со своими же подружками вторую половину кланового имени всякий раз опускали. Лайк обижался.) Поговаривали, что тороватый Лайк ухитряется иметь дело с эльфами, посылая торговые экспедиции аж до самого южного побережья, где тоже живет дивный Лесной Народ.

– Уж не стряслось ли с ними чего? – первым решился произнести невысказанное прочими Гарни.

– С целым кланом? – удивился Кукач.

– А что? Все ж быть может? Учителя своего разгневали, к примеру.

– Будет болтать! – остановил Твердислав. – Нечего о таком и думать! Беду на соседей накликаешь!

Островок этот, густо покрытый непроходимым густоростом, довольно высоко поднимался над окружающей его водой. Твердислав всё никак не мог взять в толк, отчего сосед не поставит здесь сторожевую вышку.

: *Тарни, друг, поднимись, глянь, что вокруг – я Глаз запускать не хочу*:

: *Сейчас всё сделаю, Твердь. Конечно, какой уж тут Глаз – если Ведунья рядом*:

Гибкий, ловкий как дикая кошка, Тарни исчез в зарослях – вскарабкался по сплетённым ветвям дикого ореха посмотреть, что творится на болотах.

Твердислав закрыл глаза, привалившись спиной к теплему, нагретому солнцем стволу. Что-то здесь не так. Странная Ведунья, прошмыгнувшая до Косого Увала. Странное отсутствие дозоров и постов Лайка на северной окраине владений, странная тишина вокруг.

И вождь клана не утерпел. Медленно и осторожно, словно его кто-то мог заметить, поднял пальцы к вискам. Опасно пользоваться магией, когда идёшь по ведуньему следу – ну

да уж ничего не поделаешь. Гонцы хоть и отправлены, но надолго оставлять свой собственный клан тоже ни к чему.

Слова текли, точно неспешная осенняя вода в разбухших от дождя болотах. Твердислав повторял стансы заклęcia, чтобы через миг невидимкой промчатся над бесконечными зарослями Речной Страны, окинуть взглядом с высоты птичьего полёта бескрайние пространства болот – чтобы, быть может, заметить-таки ту, за которой они безуспешно гонятся.

Однако прежде чем взгляд его успел хоть сколько-нибудь отдалиться от давшего им приют островка, как вниз кубарем скатился Тарни.

– Здесь они, здесь! Рядом! И сколько!

– Где?! – подскочил Чарус. Кукач схватился за наспех сработанное копьё. Что тут говорить, надо драться.

Тарни быстро, несколькими штрихами, сделал чертеж. Две протоки – считай, совсем рядом. И как это твари их до сих пор не заметили? И они сами тоже хороши – как могли такое скопище не почуять?

Впятером против всей ведуньиной силы – не сильно приятный расклад, но ничего, и не таковских бивали. Ежели с умом подойти, конечно.

Теперь оставалось лишь горько жалеть, что не смогли, не переняли от Учителя секреты настоящих боевых заклęcia – когда воздух вокруг врага превращается в разъедающую всё и вся слизь, когда под ногами или лапами его разверзается бездна, когда его внутренности внезапно оказываются поживой для сотен и сотен голодных червей-могильщиков, что в считанные минуты дотла обглаживают костяк матёрого кособрюха. Эх, эх, слишком уж сильно увлеклись все тогда огненными заклęciaми, такими красивыми, такими (казалось!) сильными. Девчонки от восторга визжали, когда посланный тобой огненный шар обращал в пылающий факел чучело острозуба или шипохвоста, самых опасных бестий в ведуньином воинстве. Настоящее поветрие было, и вот вам – молниями швыряться многие горазды стали, и Ведуны немедленно выработали какую-никакую, а защиту. Джейана только-только взялась за новое, более гибельное колдовство, когда ещё закончит!

Но выбирать всё равно не из чего. Конечно, Ключ-Камень – вот он, в поясе, как всегда, – но действует он лишь возле родных скал. Да и то лишь когда все мыслимые возможности для обороны уже исчерпаны и враг вот-вот ворвётся внутрь каменного круга. Здесь, в Речной Стране, от Ключ-Камня толку мало.

– Думаю, нам тут отсиживаться нечего, – спокойно и ровно заметил Твердислав. Скрестил на груди руки и задумчиво поднял глаза к небу – незачем друзьям-товарищам знать, что в груди у него – смертельная пустота и холод. Давненько уже вожаку клана не было так скверно перед боем. Давненько.

– Нападём? – Кукач жаден до драки. И смерти он не боится, ну ни чуточки. Ему любая схватка – забава. Про Великого Духа начнешь говорить – только рукой махнет, мол, на то он и Великий, и Дух, чтобы суть мою сразу видеть. А если не увидит – так тогда, значит, вовсе он не Великий и вовсе не Дух, значит, ввали нам про него всё, выходит, тогда и бояться нечего!

Джейана как-то услышала подобные речи, возмутилась. Кукач же, всем на удивление, не отступил перед Неистойой. Дело едва не дошло до поединка. Насилу развёл их Твердислав.

Вязали тростниковые шапки, делали дыхательные трубки, оборачивали, обкручивали ноги жесткой болотной травой-резаком: хоть ненадолго, но поумерит пыл придонных жителей, больших любителей полакомиться сладким белым мясом пришельцев. Близнецы, сосредоточенно сопя, мазали какой-то дрянью заостренные концы своих колов (какие это копы! Одно слово – колы!) Дрянь эту они с важным видом тут же выжали из вполне безобидного, на взгляд Твердислава, корешка.

Пошли.

Тёплая вода старицы сомкнулась над головами. Едва-едва выступая над поверхностью, показались дыхательные трубки. Плечом раздвигая неподатливую воду, Твердислав шёл первым. Мелкая речная погань засуетилась вокруг голеней и бедер, норвила впитаться в глаза, залезть в ноздри; а до Ведуньи уже близко, и отгонные чары не набросишь.

Но вот наконец замаячила стена поднявшегося из дна тростника. Осторожно раздвигая стебли матрасника, Твердислав приподнял над водой голову – чуть-чуть, чтобы только открылись глаза.

Так, вышли нормально, впереди – проделанный ползачом лаз. Хорошо бы теперь прошмыгнуть, пока хозяин в отлучке – вернётся, не пожалует.

Прошмыгнули.

Последний островок. Последняя протока. Из непролазного волчьеглаза отлично, как на ладони, виден был следующий клочок земли, лишь самую малость приподнятый над плоским зеркалом болот.

На голой вершине островка, покрытой густой, изумрудно-свежей по этому времени года травой, стояла Ведунья. Высоченная, больше чем на голову выше рослого Кукача. Во всегдашних чёрных одеяниях Слуг Зла, как называл их Учитель. Длинные костлявые руки воздеты над головой; лицо скрыто громадным капюшоном.

Как ни странно, Ведунья была одна. Вся свита куда-то бесследно исчезла, и Твердислав немедленно решил, что бестии уже отосланы творить разор во владениях Лайкова клана.

Ведунья одна! Редкая удача! Впервые удалось застигнуть её врасплох. Чёрные разбойницы всегда отличались осторожностью и хитростью, их никогда нельзя было увидеть в одиночестве, без целого сонма тварей, и разумных, и неразумных, и облеченных в плоть, и бестелесных.

Не требовалось даже беззвучной речи, чтобы понять друг друга. Они должны это сделать! Впятером. Чтобы никакой Ведунье не было повадно шастать мимо земель клана Твердиславичей.

Телом Твердислав ощущал слабые толчки воды. Друзья расходились в разные стороны, беря злодейку в кольцо. Теперь покажут себя и немудрёные копыя-колы!

– Вперёд! – рявкнул Твердислав, одним прыжком оказываясь на суше.

Вот она, фигура в чёрном, – прямо перед глазами. Костлявые руки-плети вскинуты, капюшон падает на белую маску лица. Она не двигается – провидит свою судьбу?

Пять копий ударили одновременно, разрывая ветхий покров плаща. И – провалились в пустоту.

– Да ведь это пугало! – ахнул Тарни, от неожиданности заговорив вслух.

Чёрный плащ оказался накинут на грубо стянутый прутняком жердяный остов. Вместо рук – выбеленные сухие отростки смертенца, вместо лица – пласт белой же коры хищного мохнача.

Обманули, провели как детей, как желторотых птенцов! Твердислав чувствовал, как от бешенства закаменели скулы. И они тоже хороши – так глупо попасться!

Вожак клана уже понимал то, чего не успели ещё осознать остальные – ловушки так просто, забавы ради, никто не ставит, и раз Ведунья позаботилась оставить здесь своё подобие – значит, западня подготовлена по всем правилам.

Он ещё успел крикнуть остальным: «Встаньте в круг!», – когда окружающая островок вода внезапно забурилась и вспенилась. Ведуньиная свита, та самая, которую видел Тарни, с воем, визгом, рычанием и скрежетом пошла в атаку. А над тёмной гладью старицы, скрестив на тощей груди костяные хватала, недвижно застыла сама Ведунья. Тонкий визгливый смех прокатился по-над болотами, негромкий, но перекрывший весь поднятый свитой хай.

И один лишь Твердислав разобрал в этом визгливом смехе слова:

– Отдай Ключ-Камень. Отдай, отдай, отдай!

Он не успел бы ответить, даже если б захотел – саламандры изрыгнули огонь.

Глава седьмая

Когда Буян пришёл в себя – словно вынырнул на поверхность душистого моря небывалых грёз – ламия по имени Ольтея сидела на краю приютившей их ямины, закинув ногу на ногу, и с ленивой грацией расчёсывала деревянным гребнем медно-рыжие кудри.

– Ну что, понравилось? – подмигнула она изгою.

Понравилось? Не то слово! Сладкий дурман, пьянящее наваждение, истома, за миг которой, казалось, отдашь всю оставшуюся жизнь. Ламии знали толк в плотских утехах. Там, где неумелая, дрожащая девчонка только и могла, что опрокинуться на спину, раздвинуть ноги да покрепче зажмуриться, ламия творила чудеса. Губы Буяна вспухли от поцелуев. Он никогда не знал, оказывается, что это такое – настоящий поцелуй. Он никогда не знал, что руки могут оказаться настолько ласковыми – мягкими, нежными, и в то же время – требовательными и настойчивыми. Да, совсем не так, как было с другими...

Ламия соскользнула с края ямы – единым слитным движением, мягким и грациозным.

– Нам пора. – Полные губы улыбались понимающе и чуть-чуть лукаво – знаю, мол, что больше всего на свете тебе хочется вновь сграбастать меня, но это, извини, ещё впереди.

Буян покорно склонил голову. Что ему ещё остается делать? Выбора нет. Джейана не помилует, и слезы Нумико не помогут. Да и как теперь, после всего случившегося, той же Нумико в глаза смотреть? А здесь, может, перед смертью ещё разок удастся – он невольно покосился на низкий вырез платья Ольтеи.

– Путь далёк, – ламия выбралась наверх. Улыбаясь, протянула руку Буяну – тот дёрнул щекой и одним прыжком вымахнул из ямы. Могу, могу, и нечего мне помогать! С этим-то и сам справлюсь!

Щелкунчик куда-то исчез – ну и хвала Великому Духу. Сгинул ехидный надоеда – нам же легче.

Мягкая ладошка осторожно, ласкаясь, всунулась в безвольно обмякшую было левую руку Буяна – и сами собой, стряхивая вялость, напряглись мышцы. Теплая и гладкая щека потёрлась об изуродованное плечо парня – о белый неровный шрам, оставленный клыком кособрюха.

– Больно, наверное, было.

– Больно? Мне? Ты что! Я даже и не заметил! – похвастался Буян.

– Наверняка. Я так и подумала. Ну, идем, путь неблизкий. А ты защитишь меня по дороге? – закончила она кокетливо, прижимаясь к Буяну.

Она умолчала о том, что сама с лёгкостью защитила бы и себя, и самого Буяна. И не устояла бы разве что перед разъяренной девичьей гвардией Джейаны Неистойой.

Они тронулись в путь, и тут Буяном неожиданно овладело странное безразличие. К Ведунам так к Ведунам. Хорошо бы только – поскорее. И чтобы не мучили бы долго. А смерть, что смерть – он её заслужил. Потому что струсил. И ламия по имени Ольтея – просто небольшая радость перед гибелью. А они-то, щелкунчик с нею, небось решили, что им его удалось соблазнить! Х-ха! Нет, он сам так решил. Погибать так погибать. Перед Великим Духом всё равно не оправдаешься.

Тайные тропы, по большей части неведомые даже лучшим охотникам клана Твердиславичей, повели Буяна и Ольтею на север, в обход секретов и постов, в обход опасных мест, где кишмя кишела нечисть – всё дальше и дальше, к таинственному гнезду Ведунов, к оплоту страшного, неистребимого Зла, попасть куда живьем всегда считалось намного хуже смерти.

* * *

Джейана не позволила себе разлёживаться. Без неё в клане все пойдет прахом – это было её всегдашним и неистребимым убеждением. За всем и за всеми глаз да глаз нужен. Чуть чего не доглядишь – глядь, а беда уже на пороге, а за ней иная валит, ещё страшнее.

Вечером того же (думалось) дня, когда в посёлке малость улеглась обычная суета, Джейана выбралась на воздух.

Летние сумерки тихи и прозрачны, удивительно мирны – ни за что не подумаешь, что ночью здесь, под этим же небом, развёртываются кровавые схватки, хрустят кости, перемалываемые безжалостными челюстями, и предсмертный хрип жертвы смешивается с ликующим воем охотника-победителя.

– Фатима! – Голова ещё слёгка кружилась, но это ничего. Не к лицу Неистойой обращать внимание на такие мелочи.

Стая чёрных тугих косичек как будто бы даже обогнала свою обладательницу. Фатима бегом выскочила из-за угла.

– Как дела? От Твердислава?

– Ничего не было, – Фатима покачала головой и потупилась, словно чувствуя себя виноватой. – А так – всё в порядке. Мальчики полночи вал заново отсыпали, пока я их спать не погнала. До утра на постах всё было тихо. Выл кто-то там, где Отвечающий, но никто к нам не сунулся.

– Полночи? – Джейана подняла брови. – Погоди, какие полночи?

– Джей, ты была без чувств, – Фатима сочувственно покивала. – Весь тот день и всю ночь и почти весь следующий день.

– И ты дала мне валяться? – не на шутку рассердилась Джейана. – Да ведь тут...

– Ты что, ты что! – похоже, Фатима испугалась яростного блеска в глазах Неистойой. – Надо было тебе поспать! Надо! Уж мне-то ты поверь! Душу из тебя почти всю выпили, понимаешь?

– Да ведь тут без меня такого могли наворотить! – не унималась подруга Твердислава.

– Ну уж! – возразила Фатима, и косички отрицательно мотнулись из стороны в сторону. – Я следила. И эта троица – Дим с приятелями – помогала. Всё благополучно, не терзай, не изводи себя так! Гилви... я... Ой!

Едва услышав имя Гилви, Джейана тотчас же помрачнела. Щека разом вспыхнула, словно вспомнив полученную от соплячки пощечину.

– Ой, ой, ой, что-то я не то сказала, – испуганно зачастила Фатима. – Джей, Джей, ну да ты уж прости её, глупую. К лицу ли тебе?

– Ежели всякие недомерки будут тебя по щекам хлестать – тебе это понравится?!

– Так ведь и ты её тоже приложила!

– Ты меня с ней равняешь?! – Джейана разошлась уже не на шутку.

– Ох! – Фатима села на порожек дома. – Бешеная ты, Джей, какая-то. Да никто тебя с Гилви не равняет, хотя ты же сама говорила, что Сила у неё есть.

– Хватит об этом, – ледяным голосом отсекала Джейана. Как бы то ни было, с Гилви она разберется. Чтобы все, все, ВСЕ раз и навсегда запомнили – её, Джейану Неистовую, бить по щекам никому не дозволено. Даже с самыми лучшими намерениями. Хотя, конечно, какие там лучшие намерения. Возгордилась соплячка чрезмерно. Решила полученное от меня вернуть. Уложила кособрюха и решила – ей теперь всё можно. Ошибаешься, подруга дорогая. Ничего тебе нельзя, пока я, Джейана, правлю кланом. И если я дрогну – Твердиславичам не устоять. Каждый начнет одеяло на себя тянуть. Сильный захочет обидеть слабого. Слабый

отыграется на слабейшем, и Ведунам останется только взять озверевшую толпу – именно толпу, уже и не клан даже! – голыми руками.

– Хорошо. Как с Лиззи?

Обладательница сотни чёрных, как древесный уголь, косичек нахмурилась.

– А вот с нею плохо, Джей. Совсем-совсем плохо. – Она по-девичьи зажмурилась, вновь потрясла головой – косички вразлет.

– Что значит плохо? Ох, Фатима, Фатима! И когда же ты начнешь четко и понятно вести доносить? Дышит? В сознании? Жар есть? Ведун тебя возьми, Фати! Сама из Лечащих, а толково сказать, в чём дело, не можешь!

– Да, да, прости, Джей, – Фатима смиренно потупилась. – Горит она вся. Лихорадка почище чем при болотной немочи. Первый день бредила, а теперь и бредить перестала. Дышит редко, с трудом. Хрипит. Девчонки чередуются, искусственное дыхание делают. А больше ни у кого ничего не выходит. Иринка, правда, варит ещё какие-то отвары, да только я в них не сильно верю. Нам, похоже, это чародейство неподвластно.

– Короче, пора яму копать, – жестко подытожила Джейана.

– Ой, Джей, ну зачем ты так. – Фатима даже покраснела. – Можно ж ведь еще...

– ...попросить Учителя, – закончила Неистовая. – Но ты ведь знаешь – это потом против нас же и обернётся, не может Учитель по закону Великого Духа нам все время безвозмездно помогать. Расплачиваться придется! И кто знает, сколькими жизнями. Вон, Твердислава до сих пор нет.

Фатима вздохнула и опустила голову.

– Придётся без него решать, если Лиззи совсем плохо станет. Сейчас, Фати, сейчас пойдем её посмотрим.

Домик травниц напоминал разворошённый улей. Всегда аккуратный, чистенький, опрятный, сейчас он являл собой наглядную иллюстрацию к расхожему выражению «Ведун войной прошелся». На полу в беспорядке валялись пучки трав, искрошенные корни, раздёрнутые связки коры, вязанки сушеных водорослей. Во дворе горели оба летних очага, и на каждом булькало по котелку с какими-то варевыми. Иринка, травница, маленькая, быстрая, остроликая, носилась взад-вперёд то в кладовку, то к большой колоде – рубить принесённое, то к большой же ступке – растирать разрубленное. От обоих котлов валил пахучий пар; трав было намешано столько, что даже Джейана не сумела понять, чего же именно Ирка набросала в бурлящую воду.

Внутри, возле лежащей Лиззи, суетились Дженнифер, Сигрид и Фируз. Завидев Фатиму с Джейаной, разом приумолкли, раздались в стороны, давая дорогу.

С первого взгляда Джейана поняла – дело и впрямь плохо. Причём куда хуже, чем казалось тем же лекарям и травницам. Лиззи уже почти рассталась со своим телом; её чистая душа, не оглядываясь, уже спешила прямо к порогу Великого Духа. Малышка уходила легко и радостно, не чувствуя ни боли, ни страха; и на миг Джейане стало до омерзения стыдно – вот, всё, девчушка счастлива. Таких, как она, очень любит Великий Дух, для них специально построил он на небесах особую страну, где нет ни зла, ни смерти, и куда, устав от повседневных тяжких трудов, порой удаляется передохнуть сам Всеотец-Создатель – а мы её, Лиззи, хотим выдёргнуть обратно к крови, нечистотам, страданиям, болезням. Лиззи, маленькая, прости нас, если сможешь. Я не могу тебя отпустить. Ты нужна клану. В тебе ведь такая Сила.

Только теперь, когда великая похитчица тайн – Смерть на краткий миг распахнула перед Джейаной все тайники детской души, подруга Твердислава, первая Ворожея клана, смогла понять, насколько же грандиозный дар Великого Духа достался крошке Лиззи. Когда она вырастет, по её слову скалы будут послушно, как стадо, переходить с места на место. Лесные чащобы расступятся, чтобы дать ей дорогу; болота пересохнут, чтобы, упаси Вели-

кий Дух, не осквернить стопы Лиззи своей застоялой, нечистой водой; словно буря, пронесётся она из конца в конец людских владений, круша и предавая огню логова Ведунов, – и тогда эта бесконечная война наконец будет убита.

Джейана даже застонала сквозь стиснутые зубы.

– Фатима, помогай!

Небывалый случай: Джей попросила помощи!

Вслед за летящей душой в погоню рванулись крылатые огненные драконы. К ним присоединились стремительные голубые птицы – посланцы Фатимы. Остановить! Вернуть! Только если душа сама захочет вернуться, смогут что-то сделать травницы.

Джейана никогда не думала, что это может оказаться настолько больно. Свирепые когти неведомого зверя прошлись про хребту от затылка к копчику, раздирая плоть, выламывая, вышелушивая позвонки; по лицу дождём заструились слезы, которые не остановишь силой воли – это просто инстинкт, крик тела, элементарный, как пот в жару.

Рядом – знала Джейана – точно так же корчится сейчас Фатима. И всё же драконы, посланные ею, обогнали крохотную, жемчужно-мерцающую фигурку. Обогнали – и Джейана, насилуя собственное естество, заставила их обернуться волнами ужаса, свирепо показавшимися на Лиззи. В ход пошли все ночные кошмары, какие только Неистовая оказалась способна извлечь из глубины памяти. Все детские страхи, вся горечь и весь страх первых лет, когда они были ещё не кланом Твердиславичей, а крошечной кучкой зверенышей, только-только обучившихся отстаивать самодельными копьями жалкую пищу перед грозным натиском хищного зверья (про Ведунов тогда никто и слыхом не слыхивал!) – все давным-давно преодоленные кошмары Джейана теперь гнала в бой.

«Я не могу дать тебе умереть, Лиззи. Меня не станет. Ворожеей сделается Фатима. А потом или Олеся, или Гилви, если эту стерву я не прибью раньше. А там, глядишь, подойдёт и твоё время! Клан не может без Ворожеей! И он не может позволить самой сильной из всех, что когда-либо рождались, вот так запросто умереть от какой-то там хворобы!»

Голубые птицы Фатимы, огромные, прекрасные, с ясными, лучистыми, как и у самой Фати, глазами несколько запоздали. Оно и понятно – Джейана гнала своих драконов кнутом ненависти, распаляя собственное воображение картинами грядущей победы над ведуньиным отродьем, Фатима же, напротив, вложила в нежных, цвета неба, созданий всю прелесть и красоту того жестокого, но в чём-то и прекрасного мира, твердь которого служила домом для всех родовичей клана. В послании Фатимы смешалось всё – радости духа и радости плоти, любовь и дружба, неведомое пока ни самой Фатиме, ни Джейане материнство, единство клана, счастье ощущать себя его частицей, знание того, что ты не одинок на этой земле. Никакие иные силы не подействовали бы сейчас на стремительно уносящуюся к пределам Великого Духа Лиззи. Вся сила Джейаны Неистойой не стоила тут ничего.

И крошечная фигурка заколебалась. Первым чувством, остановившим её, был страх – уж больно натурально получились у Джейаны кошмары, могущие ожидать Лиззи впереди, решишь-таки она покинуть своё тело окончательно.

Джейана солгала.

«А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня...» – вспомнились слова из Заповедей Великого Духа, оставленные Иссой, Учителем Учителей.

Но так нужно для клана! Нужно, чтобы Ворожея жила! Великий Дух, несомненно, поймёт и простит её, Джейану, нарушившую Его установления, но ведь исключительно с добрыми намерениями!

Нет, прочь колебания, прочь, прочь, прочь! Джейана никогда не отступала. Не отступит и на сей раз. Она не спасует перед Смертушкой!

Остановленная драконами, зовимая птицами душа Лиззи медленно-медленно побрела обратно.

С губ Джейаны сорвался хриплый возглас – не то торжества, не то боли.

Однако обратно в измученное лихорадкой тело душа Лиззи так и не вернулась. Замерла на полдороге, словно в колебаниях. И, быть может, Джейане с Фатимой ещё бы и удалось добиться успеха – если б не боль. Терпеть под конец стало совершенно невыносимо; Фати просто лишилась чувств, Джейана была близка к тому же.

И всё-таки главного они добились. Душа Лиззи уже не рвалась прочь. Теплилась надежда, что, одолев болезнь тела, можно будет вернуть и душу.

Глава восьмая

В первые же мгновения боя Твердислав чётко и хладнокровно осознал, что надежды на спасение нет. Ведунья собрала самую гибельную, самую смертоносную нечисть. Всё оказалось хуже, намного хуже, чем мнилось вожаку клана в тот момент, когда он только взгляды-вался в чёрный след там, на Косом Увале.

Саламандры тут были, и кособрюхи-оборотни, и душителы, крылатые ящеры, что запросто могут утащить ребенка, а взрослому – выбить глаз страшным клювом или располо-совать лицо когтями, и плевки-прыгунки, чья ядовитая слюна запросто прожигает деревян-ный, обитый железными полосами щит, и летающие – притом без крыльев – толстые круг-лые твари, шары-шарами, только посередине, как щель, – здоровенная пасть с тремя рядами зубов. Вынырнули и какие-то совсем невиданные бестии, с какими ни разу не встречался даже сам Твердислав.

Пошли, называется, за Ведуньей.

Саламандры, здоровенные, мерзкого вида лягушки, вторично распахнули уродливые рты, окаймлённые чёрными, как будто бы обугленными, губами. Первая их попытка пропала даром – твари поторопились, выдохнули пламя далековато от изготовившихся к бою Твер-дислава и его спутников; теперь они готовились ударить вторично. Никогда ещё этих бестий не собиралось больше двух – а тут, гляди-ка, аж целых семь.

Ведунья вновь расхохоталась скрипучим, торжествующим смехом.

– Прикройте меня! – Твердислав рванулся вперёд. – Делай, как я!

Все решали эти короткие мгновения. Если он их не упустит, то шанс ещё есть.

Упереться колом прямо перед самой мордой саламандры. Оттолкнуться. И, перелетев через кольцо галдящих, вопящих, хохочущих, воющих, визжащих существ, Твердислав со всего размаха врезался в воду. На миг окунулся с головой, вынырнул – и поплыл прямо к тому островку, на котором застыла Ведунья.

Злодейка вскинула руки, затрясла ими, точно безумная, – верно, призывала назад свою свиту. Твердислав слышал, как за спиной внезапно и коротко вскрикнул кто-то из близне-цов; тотчас же ему самому обожгло левый бок, однако отродье Ведунов опоздало. Чёрная разбойница слишком уверовала в собственную хитрость. И слишком сильно хотелось ей увидеть свой триумф. Ради этого она пожертвовала осторожностью, оказавшись чересчур близко к окруженным, хотя уж ей-то, искушенной в злобном ведовстве, следовало бы знать – нет опаснее зверя, чем окружённый, загнанный в угол человек.

Чьи-то зубы, или клешни, или когти ещё раз задели Твердислава, чьи – ему было уже всё равно. Он видел перед собой одну-единственную цель; поразить её, поразить во что бы то ни стало; потратить последние отпущенные ему Великим Духом мгновения на то, чтобы увидеть, как умирает враг. И совершенно неважно уже, что будет потом с самим Твердисла-вом.

Вот под ногами и дно.

Ведунья перестала смеяться. Между её сошедшимися перед лицом руками потрески-вали первые искорки. Сколько осталось времени, прежде чем злодеица метнёт в него, Твер-дислава, испепеляющий огненный шар, от которого нет ни защиты, ни спасения?

Друзья отстали. Где они и что с ними – сейчас уже тоже неважно. Он, Твердислав, сейчас не больше, чем придаток грубо выломанного кола.

Разбрызгивая воду, невиданный человекозверь, ещё совсем недавно прозывавшийся Твердиславом и вожаком целого клана, рванулся на берег. Воздух перед ним внезапно сгу-стился; дохнуло жаром. Между рук Ведуньи плясал небольшой огненный мячик, не больше

детской игрушки, что делали для малышей из затвердевшего сока упругников. Сейчас, сейчас, сейчас.

Они ударили одновременно – Твердислав и Ведунья, которой тоже было некуда отступать. Человек оказался хитрее. Он отбросил собственную жизнь, сжигая себя ради одной-единственной атаки.

Кое-как ошкуренный ствол красноплодки встретил на своём пути сгусток гибельного магического пламени. Дерево вспыхнуло, но прежде чем обратиться в пепел, оно достигло цели.

Твердислав метил, как и положено, Ведунье в горло, под стиб капюшона. Горящее древко пробило тощую, костлявую плоть, а в следующий миг Твердиславу в грудь ударило нечто пружинистое, злое и очень, очень, очень горячее. Прежде чем волна боли докатилась до мозга, он сам поспешил послать себя в глубокое забытие.

Джейана внезапно и резко схватилась за грудь. Ещё не до конца отпустила та, переживая с Лиззи боль, а тут вдруг ударила новая. Да и как ударила – света белого не взвидеть, в глазах почёрнело, дыхание пресеклось.

И сразу же вспышкой, молнией – Твердь. Что-то случилось. Что-то страшное, непоправимое, после чего только и останется – выйти на берег Ветёлы да головой в омут.

Джейана сжала зубы. До хруста, до судороги. Погоди, оглашенная. Может, именно сейчас ты ему нужна, как никогда раньше. Неужели вся твоя сила – лишь зряшнее баловство? Ну-ка, ну-ка, где там наш Лимпидоклий-Летавец?

Травяной щелкунчик не замедлил явиться на зов.

– Вот теперь всё как следует, – не без самодовольства заметил он, вальяжно устраиваясь на листке мухогона и закидывая ногу на ногу. – Все заклятия как положено, с толком и тактом. Готов служить, о повелительница Джейана!

– Ты найдёшь Твердислава. – Глаза девушки лихорадочно горели. – Найдешь и передашь от меня силу.

– Силу? – изумился Летавец. – Но... Меня же могут...

– Мы с Фатимой тебя прикроем. Не медли, Лимпидоклий, лети стрелой!

Когда случалась беда, лучшая Ворожея клана могла послать часть своей Силы тому, кто в ней нуждался. Посыльными могли служить разные волшебные создания – хотя бы и щелкунчики-летавцы. Другое дело, что, поделившись Силой, Ворожея после этого дня три, не меньше, обычно лежала пластом, не в состоянии пошевелить и пальцем.

Но ради Твердислава Джейана сделала бы и не такое.

Фатима только схватилась за голову, услышав горячую просьбу-приказ. Но возражать, конечно же, не стала. Есть, есть все же сердце у Неистойой, и зря девчонки её холоднокой прозывают.

– На тебя клан оставляю! – Джейана крепко, до боли, впила пальцами в плечи Фатиме, даже встряхнула. – Парней отправь Буяна с его мальчишками искать. Пусть все прочешут. Щелкунчиков на разведку погони.

– Ох, да ведь не умею я с ними, с Летавцем и то не умею, Джей, ты же знаешь.

– Молчи! Молчи! И слышать ничего не желаю! Не умеет она! Клану надо – значит, сумеешь! Я, когда Ворожеей стала, тоже много чего не умела. Ничего, выучилась! И тебе того же не миновать. Уж сколько тебе про то говорено – меня не станет, кто в клане управит-распорядится? Ну всё, нет у меня времени с тобой рассусоливать! Действуй! Лимпидоклия прикрой, это-то ты умеешь, Ведун тебя побери?!

Как Джейана выдержала ещё и это, она сама не могла понять. Губы уже искусила в кровь; верная Фати со слезами на глазах уговаривала свою неумолимую подругу-командиру:

– Джей, да что ты молчишь, чего делаешь, ну закричи же ты, легче ведь станет, я-то знаю. Закричи, не могу я смотреть, как ты мучаешься!

Лимпидоклий и тот не выдержал церемонно-надменной позы, сорвался с места. Закружился по крошечной комнатенке в жилище Фатимы, где на узкой лежанке металась и рычала Джейана, словно сойдясь в смертельной схватке с невидимым врагом.

Джейана не отвечала. Это было хуже, чем с Лиззи. Намного хуже. Дуращая, гасящая сознание животная боль – тебя словно раздирают изнутри, а сверху одновременно полосуют остро отточенными ножами.

Однако она так и не закричала. Даже когда Фатима разревелась в голос и чуть не выскочила на улицу.

Вокруг присмирившего Лимпидоклия мало-помалу соткался голубовато-переливчатый кокон. Летавец, уже не пытаясь сохранить напускную серьезность, ошалело вертел головой, ощупывая руками новую обновку, словно и впрямь примерял только что сшитый какой-нибудь Таньшей или Марьяшей камзолчик.

– Все. Лети! – вырвалось наконец у Джейаны. Она сама не думала, что выдержит это. Никогда доселе ей такого делать не приходилось; нужные заклятия в свое время подсказал Учитель, и долго распространялся на ту тему, что, мол, в такие моменты и проверяются чувства, истинные, непоказные. Эти рассуждения Учителя Джейана не слишком любила. Что значит – истинные, не истинные? Она б сделала это ради любого из Твердиславичей. Просто беду с тем, кто всегда рядом, и днем и ночью, кто один способен заставить её стонать не от боли, а от счастья, просто его беду чувствуешь, как бы далеко она ни приключилась. А что же, когда она Лиззи вытаскивала, – она тоже чувства к ней проверяла?

Лимпидоклий рванулся к предусмотрительно раскрытому Фатимой окну, и только тогда Джейана позволила себе разжаться. Глаза защипало. Слезы. Как некстати. Ну да ладно, пусть будут они, не падать же в обморок, как тогда, возле Ближнего Вала.

* * *

Когда Твердислав открыл глаза, то взору его вместо мрачных залов Преддверия отчего-то предстали перепуганные физиономии Чаруса и Кукача. Над ними кружил невесть откуда взявшийся тут щелкунчик. Стоп, да это же Лимпидоклий!

– Уф! Очнулся. – Кукач неожиданно отвернулся. – Э, да не слезы ли у тебя на глазах, брат?

Чарус же просто облапил друга-брата за плечи.

– Оч-очнулся, – подтвердил Твердислав. Ныло все тело, но так, в общем, ничего, терпимо. Только голова кружится, встать мешает. – Э, а близнецы?

Следом за Кукачом взгляд отвёл и Чарус.

– Не-нету их больше, Твердь.

Отчего-то они говорили обычными словами, словно не осталось сил ни на какое, даже простенькое чародейство.

– Как, как нету? – дёрнулся Твердислав. Внутри всё заледенело, словно Нижняя Ветёла под свирепым северным ветром. – По-погибли? Оба?

Чарус тяжело вздохнул и лишь коротко, судорожно дёрнул головой.

– Где они?

– В воде их разорвали, обоих, – выдавил Кукач. – Так что даже и хоронить нечего. Мы с Чарой чуть впереди оказались, тем и спаслись. Как только ты Ведунью завалил, вся ейная свита – кувырк! – брюхом кверху. А потом ка-ак рванули! Весь берег кишками своими уделали, вместо воды – одна слизь да кровяща. Тьфу, мерзость! Сейчас-то уже утянуло.

«Великий Дух. Гарни и Тарни. Да что ж это такое?!»

Последняя смерть была месяца три назад. Твердиславичи вообще погибали редко – сказывалась и выучка, и умение вожака. А тут – из Старшего Десятка сразу двое!

Твердислав ещё ничего не знал об участии Ставича, Стойко и Буяна.

– А когда в тебя файерболом попало, мы уже решили, что всё, конец, – подхватил Чарус. – Ты ж сгореть должен был, если Учителю верить. А так упал только да весь словно бы обмер.

– Тут как раз Летавец и подоспел, – закончил Кукач. – Да не просто так – с Даром.

– Меня Джейана послала! – с гордостью заявил щелкунчик. – Если бы не она...

– Да, ну и, короче, в общем, – замялся Чарус, – как только Дар в тебя вошёл, так ты сразу и оклёмываться начал.

Дурнота и впрямь стремительно уходила. Измученное тело, каким-то чудом выдержавшее удар колдовского огня, вновь наполнялось силами.

– А тварь-то сама где?

– Это ты про Ведунью? – уточнил Чарус. – Сдохла, паскуда. Эх, жаль, живой она мне не попала, уж я бы придумал, как с ней позабавиться.

– Брось, о чём ты, – укорил друга Твердислав. – Ребята погибли. Даже не похоронить. Вике да Джулии на горе.

– У них дети должны быть, у обоих, – сумрачно сообщил Кукач. – Я точно знаю, мне Сигрид рассказывала. (Травница и врачевательница Сигрид уже давно была подругой Кукача.)

– Ладно. – Твердислав рывком поднялся. – Ты, Лимпидоклий, домой лети. Джейане скажешь, что тут видел. И ещё передай – мы скоро будем. Прямоком домой отправимся. Что там без нас делается-то?

– Джейана меня не с вестями посылала, – обиженно пискнул Летавец. – А с Даром!

– Ах, ну да, правильно. Хорошо, лети. А нам ещё надо поминки справить.

Поминки по погибшим без погребения – дело долгое и серьёзное. Твердислав, Чарус и Кукач долго ладили прощальный костер. Его следовало возжечь на том месте, где павшие испустили последний вздох, поэтому пришлось сооружать плотик. Чарус каким-то чудом сумел сохранить копьё одного из близнецов, кого – он уж и сам не помнил.

– Ну да это и к лучшему, – негромко обронил Твердислав. – Разом – и с тем, и с другим прощаемся.

Нехитрое оружие (успевшее, однако, попробовать вражьей крови) укрепили в самом сердце уже готового костра. Он получился высоким – в рост человека; дрова к нему собирали, облизав все ближайšie, хоть мало-мальски сухие места.

Иной может спросить – да зачем всё это – костры какие-то, плоты? Что, всезнающий Великий Дух сам не разберётся, что к чему? Верно. Разберётся. И не погибшим это надо (хотя и им тоже – смотрят сейчас, поди, из Привратных Покоев Великого, уже забыв о страхе и боли, – все ли как должно управят оставшиеся в живых друзья?) – а тем, кто уцелел. Очистить душу от печали, укрепиться в силах и дать на Прощальном Огне нерушимую клятву мщения.

Потому что теперь не будет ни Кукачу, ни Чарусу, ни самому Твердиславу покоя, пока не найдут они весь прайд этой Ведуньи и – силой ли, хитростью – не уничтожат его под корень, не пощадив никого, не оставив в живых ни одного создания, что дышит или двигается. Тогда они смогут открыто посмотреть в глаза Тарни и Гарни, когда настанет их черёд – либо взойти на Летучие Корабли, либо, погибнув, последовать в Покои Отдохновения. Ведь даже пролетая на Летучих Кораблях, уходящим из мира не миновать этих Покоев. Там состоится ещё одна, быть может, последняя встреча с друзьями, которым ещё долго предстоит оставаться в чертогах Всеотца, чтобы потом, в другом мире или даже в другом времени, вновь вернуться под голубое небо, чтобы жить.

Твердислав сам высек огонь. Обычно все добывали искры несложным заклинанием, но обряд прощания строго-настрого запрещал любую магию. Почему и отчего – Твердислав не задумывался.

Костер вспыхнул дружно и весело, как и положено на поминках. Чем выше, чем буйней и несдержанней пляска огненных духов, тем легче будет путь погибшим до Великого Чертога, тем снисходительнее окажется к ним строгий судия.

Кукач и Чарус постарались на славу. Пламя взметнулось едва ли не выше древесных крон. Огонь загудел, заплясал, запел прощальную песнь; близнецы уходили так, как и достойно воинам, до конца исполнившим свой долг. Их подруги, конечно, отрыдают своё, а потом, попечалившись и покручинившись, найдут себе новых приятелей. Хотя девушкам и недолго осталось быть в клане – на год больше, чем Джейане и Твердиславу, самым старшим, – все ж лучше, чтобы малыutki запомнили отцов. Пусть не тех, кто зачал, но кто был с ними первые месяцы на этой земле.

Твердислав первым начал прощальную песнь, Чарус с Кукачом подхватили. Мерные двустипия говорили о доблести и чести братьев, о том, какими они были верными товарищами и хорошими воинами. О том, что их путь по этой земле был прям и открыт; и завершалась песнь просьбой-мольбой к Великому Духу быть снисходительным и простить им то, что он сочтет нужным прощать, как простили им все те, кто остался здесь, среди болот Речной Страны.

Костёр отпылал, и чёрная вода беззвучно поглотила пепел. Спускался вечер, а как он успел подкрасться – за обрядом никто и не заметил.

– Ну всё, пошли, – скомандовал наконец Твердислав.

Им предстояла неблизкая дорога к дому, а потом – потом ещё более дальний путь по следам чёрной Ведуны, только в этот раз – на север, откуда пришла беда.

Глава девятая

Кто бы ни был твоим спутником, невозможно вместе одолеть по нехоженным тропам немеряные поприща и не разговориться. И хотя на душе у Буяна было чёрнее, чем в глотке кособрюха, молчать оказалось выше его сил. Пусть у него в собеседниках – создание Ведуннов, это лучше, чем остаться наедине с самим собой и с мыслями о позорном предательстве.

Ольтея (мало-помалу Буян и думать забыл, что рядом с ним шагает ламия, а не просто красивая девчонка) оказалась веселой и смешливой. Она первой принялась расспрашивать Буяна сразу обо всём: как ему жилось в клане, чем они занимались, как охотились, как добывали пропитание. Особенно поразило Ольтею то, что еду приходится выращивать или, паче того, убивать для этого зверей на охоте.

– У нас на севере еды всегда достаточно.

– И откуда ж она берётся? – угрюмо буркнул Буян.

Ольтея кокетливо пожала плечиками.

– Не знаю, мне неинтересно было. Просто еда всегда была, и притом сколько хочешь.

– Понятно, ведуньи штучки, – проворчал парень.

– Ведуньи, не ведуньи, а хорошая еда никогда не переводилась, – хихикнула Ольтея.

Они шли берегом Журчушки, одного из бесчисленных притоков Ветёлы. Сам того не зная, Буян совсем ненамного разминулсЯ с Димом и его спутниками – только они прошли здесь днём раньше. Вокруг вздымался дремучий, непроглядный лес – на удивление тихий, замерший, словно насмерть перепуганный. Босые ножки ламии ступали, не сгибая травы; Буяновы глаза помимо его собственной воли на них упорно пялились, в то время как сам Буян дивился – как же это ей не больно? Ступни Ольтеи отнюдь не казались загрубевшими – нежные и розоватые, как у новорожденного.

Мало-помалу Буян разговорился. Нет, Ольтея не выпытывала у него никаких тайн. Её не интересовали ни укрепления Пэкова Холма, ни число установленных там катапульти, ни распорядок стражи. Не выпрашивала она и о том, сколько в клане воинов и какими кто владеет боевыми заклятиями. Вместо этого спросила:

– Скажи, а у тебя уже было это... с девчонками?

Да, будь она хоть трижды ламией, женскую их натуру не переиначишь.

Сперва Буян хотел огрызнуться, потом – отмолчаться, однако кончилось всё тем, что, неожиданно для самого себя, он начал рассказывать.

Ольтея оказалась прекрасной слушательницей. Она внимала Буяну так, словно от каждого сказанного им слова зависела её жизнь. Постоянно порывалась переспросить, уточнить, – и сама одергивала себя: «Продолжай, продолжай, извини, я тебя, наверное, сбילה».

И вскоре угрюмый, охваченный отчаянием, бредущий навстречу неминуемой смерти Буян совершенно забыл о том, что говорит с давним и постоянным недругом, почти врагом; ламий положено было убивать, правда, в особых случаях их, случалось, отпускали, предварительно изнасиловав (а чего церемониться с Ведунным отродьем!). Ольтея превратилась в собеседника, и чувствовал себя с ней Буян на удивление свободно; он и сам не знал, как такое случилось.

Буян рассказывал. Как перед самым Великим Духом – ничего не приукрашивая и не привирая. Было, было, конечно же, было. Скромница Нумико, но никакого сравнения с...

– ...Со мной? – Ламия довольно засмеялась.

– Да, – Буян отчего-то покраснел, признаваясь.

– Так и должно быть, – не без гордости заметила Ольтея. – А то, что у вас за жизнь – впроголодь, и даже любиться как следует не умеете. Нет-нет, это я так, в общем, совсем не про тебя, – испуганно прибавила она, едва заметив тень на лице Буяна.

– А теперь давай лучше ты мне что-нибудь расскажешь, – Буян попытался улыбнуться (мол, нипочем мне эти ваши Ведуны!), но губы не слушались, вместо улыбки вышла какая-то жалкая напуганная гримаса. Ольтея сделала вид, что не заметила.

– Рассказать? Что ж, можно.

– Ты ведь со Змеинового Холма?

– Откуда-откуда? А, это вы его так называли. По-нашему он Шаорн. «Обиталище», перетолковывая по-вашему. Просто и понятно. А вы какой-то «Змеинный Холм» придумали. Да там и змей-то отродясь не бывало! Я их сама боюсь, этих змеюк.

– Ну, а что же там? Как выглядит-то? – не удержался Буян.

– Как выглядит? Боюсь, мне и не объяснить тебе толком. Дома. Много-много домов. Те, что обращены к вам, обшиты деревом. А так – они из тёмного стекла.

– Тёмного чего?

– Разве твой Учитель тебе не рассказывал? – удивилась Ольтея.

Буян смутился. Как он мог забыть! Хотя после серой бестии и случившегося с ним что угодно из головы вылетит. Рассказывал Учитель, рассказывал, да и сам Буян полгода назад, на ярмарке, видел у торговых гостей Приморских кланов прозрачный кругляш. Девичьи безделки из этого «стекла» делают. Хотя – правда-правда! – упоминал Учитель, что можно кругляш и каким-то образом в блин раскатать. Правда, слушал Буян вполуха, потому как назавтра была назначена большая облавная охота, и думал он исключительно о ней. А про стекло это – просто забыл по ненадобности. Клану сейчас не до прозрачных кругляшей.

– Рассказывал, только я...

– Ну вот, из тёмного стекла. Очень удобно – можно сделать прозрачным, можно – непроглядно-тёмным.

– Да что же тут удобного? – непритворно удивился Буян. – Прозрачные какие-то. На кой?

– Гм. – Ольтея замялась. – Ну, например, если тебе хочется, чтобы повсюду в доме было бы солнечно.

– Солнечно? Да ведь все Ведуны солнечный свет ненавидят смертельно! – вознегодовал в праведном гнев Буян.

– Кто тебе такую чушь сказал? – обиделась ламия. – Очень даже любим! И позагорать тоже. Безо всего. – Она хихикнула и показала Буяну язык.

– А чего ж тогда разбой творите? – парировал Буян.

– Ой, давай не будем об этом, – жалобно попросила ламия, уморительно наморщив лобик. – Я-то никакого разбоя не творю. И подружки мои тоже. И совершенно незачем было их так зверски, как вы... Они бы и сами не прочь. А скольких твоя Джейана живьем сожгла? Марлу, Фалейю, Типи...

– Ну, девчонки... Что про них говорить?

– Давай не будем, – легко согласилась Ольтея. – Ты про Шаорн спрашивал?

Буян слушал рассказ ламии и только и мог, что удивлённо качать головой. Ольтея повествовала о вещах, несомненно, созданных высоким волшебством, какое Джейане или Фатиме даже не снилось. Кладовые, где никогда не переводится пища, Буяна потрясли больше всего.

– Так вот чего ваша братия к нам лезет, – заметил он. – Дурью маются, от скуки башка жиром заплывла – вот и тешатся. У нас малышня тоже, случается, зверёнка какого-нибудь изловят и гоняют или там мучают, пока старшие под зад не поддадут, чтобы ума прибавилось.

– Не знаю. Я про это не думала. – Ольтея скорчила кокетливую гримаску. – Зачем? Думать – другие есть. Им от этого удовольствие, а мне, – она вновь подмигнула Буяну, – совсем от другого.

– Кошка ты лесная, что ли, только любиться и ничего больше? – не выдержал такого бесстыдства Буян.

– Ты о чём-нибудь ещё думать можешь? – Кажется, Ольтея даже немного обиделась. – Танцевать я люблю, и гулять по ночам люблю, и петь люблю. И сама песенки немного сочиняю. И наряды придумываю – когда дома, конечно, в таких тряпочках по вашим чащобам не больно походишь. И читать люблю. Ты вот читать умеешь?

– Обижаешь, – буркнул Буян.

Читать, конечно же, он умел. Как и любой другой из клана Твердиславичей или любого другого. С этого начиналась учеба. Грамоте малышей натаскивали старшие, так что когда появлялся Учитель с книгами, читать и писать могли уже все.

– У нас книги тоже есть, – сообщила Ольтея.

– Послушай, – Буян даже остановился. – Вот ты хорошая девчонка. Я тебе прямо скажу. Слушай, если ты такая умная – так зачем мы тогда воюем-то? Ведь если я тебе про ведуньи-ские зверства начну рассказывать – дня не хватит, ночи не хватит! Для чего?

– Для чего? – ламия подняла брови. – Не знаю, мне неинтересно. Это тебе у Думающих спросить надо будет.

– Ольтея. – Ох, как не хотелось Буяну задавать этот вопрос! Уже совсем было смирился со своей участью, а тут ну-ка, опять чего-то внутри заворохалось. – Что... что со мной делают?

– А уж это от тебя зависит, – сказала ламия.

– В каком смысле – от меня? Я что-то сделать должен?

– Да. Тебе скажут. Я-то сама не знаю. Но теперь ты понял – мы от вас ничем не отличаемся? Ты вон меня даже «девчонкой» назвал.

– Ты – да, не отличаешься. А Ведуны или, упаси Великий Дух, Ведуньи? Это ж страх ходячий, взглянешь и не проснешься! А свита их? Одна тварь другой уродливее и смертоносней! Да чего там – та, серая, которая Стойко со Ставичем... она тоже ничем не отличается?

– Эти, конечно, отличаются, – кивнула Ольтея, соглашаясь. – Но ведь они и говорить не умеют. Почти все. Это ж так, слуги, не более. Что такое слуга, знаешь?

Буян знал.

– Ну так вот, про них мы и говорить не станем.

– Ладно, хорошо, понятно, а всё-таки: война эта зачем? Ты на Думающих не ссылайся, ты сама скажи, как считаешь?

– Как сама считаю? – казалось, Ольтея была удивлена. – А зачем мне самой что-то считать? Я ж тебе сказала – мне это неинтересно.

«Что-то я не то несу, – подумал Буян. – Ведуны – враги, вражины распроклятые, такими были, такими и останутся, а Ольтея... Не зря ж говорят – ламии, они совсем другие. И колдовства у них никакого особенного нет. Иначе никогда б Джейана их столько не сожгла. Может, ламия и впрямь ничего не знает. Не задумывалась, например, как я не задумываюсь, отчего солнце светит. Светит, и всё тут. Учитель, правда, объяснял. И, если поднапрячься, я его мудрёные объяснения, может, даже и вспомню, но вот сейчас какой мне от того знания толк?»

– Ну, ладно, ты давай тогда ещё чего-нибудь порасскажи, – попросил Буян, – про то, как вы там живете.

– Как живём? По-разному... Думающие думают, Творители творят, Строители...

– Строят, наверное, – съязвил Буян.

– Да, так и есть, – засмеялась Ольтея.

– Это мне и так понятно, а вот ты скажи – о чем думают? Что творят? Чего строят?

– Ну, о чем Думающие размышляют, это только их коллегия знает. Творители – понятно, разные существа создают, смотрят, как они у них получаются, устраивают испытания, а потом...

– ...потом на нас натравливают, – мрачно закончил Буян. – Нет, как ни хороша ты, Ольтея, всё равно враг. Хотя и красивый. А впрочем, всё равно. Не хочу я больше ничего выпрашивать.

Однако вопросы так и продолжали выпархивать – один за одним. Ольтея, как могла, отвечала.

Ведуны жили большой общиной, упрятанной в глубине Лысого Леса, который они почему-то называли совсем по-иному: Эадот, что значит – «длиннолистный-длиннотенный». Откуда там взялись листья и, соответственно, тень, Буян понять так и не смог. Перед глазами неотступно стояли шеренги странных, перекорёженных неведомой силой деревьев леса за Пожарным Болотом: бесконечные ряды воздетых к небу ветвей, голых – ни листьев, ни хвои, одна тёмная блестящая кора.

В Шаорне Ведуны творили чародейства, создавали все новых и новых тварей для своих свит, планировали набеги на южные поселения – все это Буян знал и так. Его занимало другое.

Другим оказались музыка, песни, танцы, состязания волшебников, праздники, карнавалы и всё прочее, очень красочно описанные ламией. Чувствовалось, что в этом она толк знала.

Буян слушал и терялся в догадках. До чего же странно это всё! И впрямь, не поймёшь, чего этим Думающим, Строящим и прочим от нас надо? И если они на самом деле повелевают такими силами – отчего ж не стёрли нас в порошок? Ольтея сослалась на Великого Духа, но у него, как известно, любимая заповедь – «На Меня надейся, а сам не плошай».

«Может, она всё это присочинила? Специально, чтобы меня заманить? – Но, как ни странно, думать о ламии плохо ему не хотелось. – Да к чему ей врать. И заманивать тоже – я ведь уже сам заманился, мне деваться некуда, назад пути нет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.